С 1997999

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ
под редакцией:
Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г.,
Устинова, И. В.

Выпуск II

ЮРИЙ СОБОЛЕВ

А. П. ЧЕХОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ:
Музей Чехова в Москве.—Чеховские уголки под Москвой.—Ялта.—Комната Чехова в Таганроге.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, насл. бр. САЛАЕВЫХ".
МОСКВА—1924 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва В. В. ПУМНОВ, насл. бр. САЛАЕВЫХ"
ка, 15. Телефон 2-31-29.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
КАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
ич. пред. выдач.
ТМО Т. 5000000 З. 1225—86

печатаются нижеследующие

здания:

(чтец-декламатор для детей). Ц. 50 к.
оспоминаниях современников и его

ратурные экскурсии). Ц. 50 к.
Старинный театр в России. Ц. 1 р.
ыграем! Сборник пьес для школьного

Метод анкеты в педагогическом и
ии. Ц 95 к.
сихологическом освещении. Ц. 1 р. 50 к.
генев в воспоминаниях современников
и 2-я. (Печатаются).
росы языкознания. (Печатается).
З, Н. А, —Некрасов в школе. Сборник
праздника памяти поэта. (Печатается).
Введение в поэтику. Часть 1-я Ц. 60 к.
еты птиц. Ц. 60 к.
КОЙ, В.—9-е января и день Парижской
р.
гупные очерки по истории литературы.
ия. Ц 1 р. 80 к.
едование физического развития человека
дошкольного и школьного возраста. (Печатается).

ЛЕБЕДЕВ, А. М. — Родной язык в школе. Педагогический сборник для учительства. Книга 3-я. Ц. 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. — Родной язык в школе. Педагогический сборник для учительства. Книга 4-я. Ц. 1 р. 70 к.

ЕГО-ЖЕ,—Родной язык в школе. Книга 5-я. (Печатается).

ЕГО ЖЕ. — Чтение и выразительное слово на младшей ступени школы. Ц. 50 к.

ЛЕБЕДЕВ, А. М. и ПАШКОВ, Н. А. — На пороге жизни. Ц. 90 к.

ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Л. — А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. Ц. 1 р. 80 к.

МЕНДЕЛЬСОН, Н. М. — А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах. Ц. 1 р. 70 к.

МЕЙЕРС, Ч.—Психика и труд. Ц. 90 к.

СОЮЗГБ им. В. Г. Белинского

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ
под редакцией:
Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.
Выпуск II.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ

А. П. ЧЕХОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ:
Музей Чехова в Москве.—Чеховские уголки под Москвой. — Ялта. — Комната Чехова в Таганроге.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.
МОСКВА—1924 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
0 30549
Проверено
Проверено 1936 г.

Отпечатано в 5 типо-литографии „Мосполиграф",
Мыльников пер., д. 14.
в количестве 4.000 экз.
Главлит 16801. Москва.

Пр. 1940

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Музей имени А. П. Чехова в Москве основан в 1922 году. В нем собран как иконографический, так и документальный материал, рисующий биографию Чехова. Экскурсия в этот музей служит целям историко-литературным. Обозрение всего того, что имеет касательство к истории жизни и истории творчества Чехова, явится лучшим дополнением к книжным и школьным познаниям, которые были почерпнуты из чтения и из изучения как произведений самого писателя, так и критической литературы о нем. Поэтому, с чем бóльшей предварительной подготовкой явится экскурсия в музей, тем с бóльшим интересом отнесется она к его собраниям. Однако, такая подготовка вовсе не вызывает необходимости детального изучения всех источников о Чехове. Совершенно достаточно, если руководитель ознакомит с биографией Чехова, хотя бы в виде излечений из обширного труда А. А. Измаилова „Чехов. „Жизнь, личность, творчество". (Москва 1916 г., издание Сытина), или прочтет небольшую книгу Мих. Пав. Чехова (брата писателя) „Антон Чехов и его сюжеты" (Москва, 1923 г.), в которой дан краткий очерк жизни и указано происхождение сюжетов целого ряда произведений Чехова. Необходимо так же предварительное знакомство с наиболее типичными для Чехова рассказами. Желательно не ограничиваться только мелкими его вещами, но и познакомиться с такими произведениями, как „Степь", „Моя жизнь", „Мужики", „Архиерей" и, разумеется, с его пьесами.

Собственность Гомельского

Музей располагает материалы по принципу биографическому, деля жизнь Чехова на следующие главнейшие пириоды:

1) 1860—1879 гг.: детские и гимназические годы в Таганроге.

2) 1879—1892 гг.: Москва и подмосковные—Воскресенск, Звенигород, Бабкино; годы студенчества Чехова; сотрудничество в мелкой прессе; эпоха „Антоши Чехонте"; окончание университета; работа в „Новом времени", перелом в творчестве (сотрудничество в „Северном Вестнике"—„Степь", „Огни", „Именины"); два лета у Линтваревых в усадьбе „Лука"; смерть Николая Чехова; поездка на Сахалин.

3) 1892—1898 гг.: Мелихово. Один из значительнейших периодов, как в истории творчества (пора писательской зрелости), так и в личной жизни Чехова. Мелихово отмечено энергичной общественной деятельностью Чехова, что, кстати сказать, весьма выпукло представлено в Музее рядом документов и многими материалами.

4) 1898—1904 гг.: переселение в Ялту; смерть отца; сближение с Московским Художественным Театром; избрание в почетные Академики и во временные председатели Общества Любителей Российской Словесности; участие в „Русской Мысли", „Жизни", „Журнале для всех". („В овраге", „Архиерей", „Невеста", „Вишневый сад"). Болезнь. Баденвейлер; смерть и похороны. (Баденвейлер представлен в Музее особым уголком).

Таким образом, эти четыре больших куска раскрывают историю всей жизни Чехова. Она иллюстрирована, как упомянуто, огромным иконографическим материалом и значительным собранием документов, пожертвованных М. П. Чеховой, передавшей весь личный архив своего брата, в том числе и все письма к нему с 80-х. годов по день смерти. (Письма эти еще недоступны для обозрения).

Рукописей в музее немного: черновик „Острова Сахалина" и несколько писем Чехова—гимназиста. Важнейшим документом для биографии Чехова в ее мелихов-

Собрание В. Е. Разинского

ском периоде, служит „Дневник“ П. Е. Чехова—отца писателя: в нем записи всех событий мелиховской жизни изо дня в день, начиная с 1892 г. по 1898 г.. (Дневник обозрению доступен). Среди иконографического материала подлинники портретов Чехова работы Николая Чехова, В. Серова, Панова, Ульянова, отличная копия Бразовского портрета; карикатуры Хотяинцевой, несколько набросков Якунчиковой и М. П. Чеховой, рисунков Николая Чехова и две небольших картины Левитана. (На эту, так сказать, живописную часть музея обратит внимание руководитель экскурсии, поставив в связь творчество Чехова с творчеством Левитана; отличное пособие для рассказа об этом, книга С. С. Глаголя и Игоря Грабаря „Левитан“, издание Кнебель и Гроссман).

Руководитель экскурсии не может также не указать на связь Чехова с его эпохой. Музей при своем возникновении ставил себе целью создать не только „Музей Чехова“, но главным образом „Музей Чехова и его эпохи“. К сожалению, он еще не располагает достаточным материалом для этой цели. Чехов и его современники, Чехов и его эпоха—были бы наиболее важными отделами музея, а, следовательно, и наиболее ответсвенмыми главами этой книги, если бы только мог Музей дать нечто бóльшее, чем те немногие материалы, коими он располагает теперь. Поэтому пришлось отказаться от мысли выделить в книге такую главу, ограничившись только краткими указаниями, поясняющими связь Чехова с эпохой и современниками.

Немного материала в Музее и для характеристики отношения Чехова к театру; об этом пришлось говорить попутно, немного подробнее остановившись лишь на истории содружественного творчества Чехова с Художественным театром.

И так же, как в самом Музее, так и в этой работе, являющейся как бы путеводителем по биографии Чехова, подчеркнуты те моменты в жизни Чехова, которые характеризуют его, как общественного деятеля, как человека, чутко реагирующего на все явления обществен-

ности. Музей не располагает, повторяю, материалом вы-пукло представляющим эпоху Чехова,—не можем и мы в свою очередь, показать те „сумерки", о которых писал Чехов. Но все же и Музей, и мы имеем достаточно данных, для того, чтобы доказать, что говоря о „хмурых людях в сумерках", сам Чехов не был поэтом хмурости и сумеречных настроений русской интеллигенции. Чехов и „чеховщина" понятия друг другу противоположные: то, что собрано в Музее о Чехове, как о враче, строителе и попечителе школ, о Чехове—человеке деятельной веры в торжество правды и социальной справедливости, совершенно достаточно для разрушения ходячей легенды о его пессимизме. Поэтому весьма важно руководителю экскурсии, учитывая общность мотивов поэзии Чехова с лирикой Чайковского,—все же подчеркнуть и то коренное различие, которое лежало в творческой природе Чехова и Чайковского. Безнадежные настроения музыки Чайковского ни мало не совпадают с теми призывами к грядущей новой жизни, которые звучат в творчестве Чехова. Чрезвычайно важно в целях литературной характеристики Чехова, вскрыть значение периода „Антоши Чехонте", когда громко и радостно звучал смех во всех его вещах. Музей располагает большим собранием юмористических журналов восьмидесятых годов: здесь огромное количество чеховских мелочей, так ярко и живо подчеркнутых рисунками и карикатурами Николая Чехова и всей плеяды юмористов—современников „Чехонте". На это следует обратить внимание и по этому еще, что маленькая новелла, маленький рассказ, являются выражением той новой формы русской прозы, в проложении путей к которой видел Чехов свою „единственную заслугу".

В конце книги даны примерные схемы для работ (или бесед) на темы, вызванные осмотром Музея, а также указана и литература критическая и мемуарная. Все книги о Чехове, приведенные в этом библиографическом списке пособий, находятся в библиотеке Музея. В Музее богатая коллекция почти всех изданий сочинений

Чехова и переводов его произведений на иностранные языки. Собрания критической литературы, а также журнальных и газетных вырезок о Чехове (с 1904 г. по 1923 г.) дают нам представление об оценке Чехова современной критикой. Руководитель экскурсии более повышенного типа мог бы остановиться несколько подробнее на библиотечном отделе Музея, чего не делаем мы в этой книге, не считая возможным загромождать ее материалом, являющимся законным достоянием историко-литературного исследования, а не того *путеводителя по Музею*, каким является эта работа.

Описание подмосковных Чеховских уголков—Воскресенска, Звенигорода, Бабкина, Мелихова—мы ввели в общее изложение книги, построенной по тому же биографическому принципу, по которому создан и Музей. Впрочем, маршруты экскурсий в Бабкино и Мелихово в книге указаны.

Книга эта, думается ее автору, могла бы пригодиться в тех кружках и клубах, в которых ведутся занятия по литературе. Такой кружок, или клуб мог бы, в виде живого показательного урока по истории русской литературы, организовать экскурсию в Музей имени Чехова в Москве.

Музей помещается у Красных Ворот, Трехсвятительский тупик, дворец бывш. Юсупова, во дворе.

СОУНБ им. Г. Р. Державина

СОУНБ им. В. Г. Белинского

I.

ТАГАНРОГ

(1860—1879 г.г.).

Таганрог в наши дни. Современный Таганрог производит „впечатление унылой пустынности и ненужности“.— вот общий голос всех, кто описывает этот город—родину Чехова. „Длинные и прямые, как лагерная линейка, улицы, маленькие домики с подслеповатыми окнами и неизменными ставнями, за которыми, кажется, навсегда остановилась и замерла жизнь, нагоняют тоску. Редкие прохожие точно сами конфузятся своего появления на улицу, нарушающего общую мертвую неподвижность. Только на главной улице, Петровской, где сосредотачиваются все магазины, относительное оживление“.

Теперь заезжему человеку покажут памятник Петра Великого — работы Антокольского; дворец, в котором умер Александр I; городской сад; спуск к морю—широкую каменную лестницу, против которой, на площадке, предположено поставить памятник Чехову; затем, все, что связано с именем Антона Павловича: домик на По-

---

Иллюстрационный материал, имеющийся в Музее и относящийся к этому периоду:

Виды Таганрога: Покровская улица; дом, в котором родился Чехов на Полицейской улице; дом Моисеева на Монастырской, в котором помещалась лавка П. Е. Чехова; собственный дом П. Е. Чехова на Елизаветинской; памятник Петру В.; лестница к морю; городской театр; церковь св. Константина; гимназия. Семейная группа;— П. Е. Чехов. Е. А. Чехова родители А. П. Чехова.—А. П. гимназист 5-го класса. Два бальника Чехова ученика 5 и 6 классов. Свидетельство о приписке к призывному участку: „Билет“ на право жительства.

Собрание Е. Г. Белинского

лицейской улице, в котором он родился, — в глубине двора, прямо против ворот; лавку в доме Моисеева на Монастырской улице—здесь маленький Чехов помогал отцу торговать; дом на Елизаветинской—тут он провел свои отроческие годы; унылое здание гимназии, в которой он учился; старый городской театр, куда тайком от начальства, бегал Антоша, и церковь св. Константина, подле которой была греческая школа, где, еще до поступления в гимназию, пробыл почти год. Наконец, чтобы закончить обзор Таганрога, надо будет сходить в городскую библиотеку имени Чехова и осмотреть находящийся в ней небольшой музей его имени. Вот и все.

Некогда шумный и оживленный, Таганрог уже с начала семидесятых годов начал утрачивать всякое значение: центром юга России, столицей Донецкого бассейна, становился соседний Ростов-на-Дону, выраставший и богатевший с чисто американской быстротой.

Жизнь в Таганроге замирала: закрылась и гавань, упразднилось и градоначальство; город беднел, опускался. В нем было мало интересных, талантливых людей; книгами и искусством не интересовались. Но все же чувствовалась близость к морю и к степным просторам. В городе была прелестной Петровская улица: „она отчасти заменяла сад, так как по обе стороны ее росли тополя, которые благоухали, особенно после дождя, а из-под заборов и палисадников нависали акации, высокие кусты сирени, черемухи, яблони“—с нежным чувством вспоминал о ней Чехов в большой своей повести „Моя жизнь“, в которой рисовал он гнетущие картины провинциальных и безнадежных будней.

Семья Чеховых. В выписи из метрической книги г. Таганрога Соборной Успенской церкви значится, что „Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря, семнадцатого дня рожден, а двадцать седьмого крещен Анатолий. Родители его, Таганрогской 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного исповедания. Воспреемники были: Таганрогский купеческий брат Спиридон Федорович

Титов и таганрогского 3-й гильдии купца Дмитрия Кирикова Сафьянопуло жена. Таинство крещения совершал священник Собора Михаил Орловский с диаконом МоисеемЕгоровым. Что утверждается"... Анатолий-Антон— будущийписатель Антон Павлович Чехов.

У его отца, Павла Георгиевича, или Егоровича, как называли его домашние, была небольшая колониальная лавка. Те средства, которые позволили ему начать собственное торговое дело, он собрал трудом всей своей молодости.

Дед писателя был крепостным богатого помещика Черткова. Выкупившись на волю, он добился независимой и сравнительно обеспеченной жизни. Служил он управляющим в богатом графском имении, в верстах ста от Таганрога в станице Княжой. Сына своего — Павла Егоровича он перевез из деревни в город — в Таганрог, и отдал богатому купцу в лавку „в мальчики". Павел Егорович долго служил в этой лавке; из „мальчиков" он сделался сперва „молодцом", потом старшим приказчиком. В молодые же годы не раз исполнял он поручения своего хозяина, по закупке для него скота, за которым ездил по разным городам России. 20 октября 1854 года он женился в Таганроге на девице Евгении Яковлевне Морозовой. Она родилась в Моршанске и была дочерью купца-суконщика, разъезжавшего со своим товаром по всей России, и, наконец, остановившегося навсегда в Таганроге. Женившись, Павел Егорович открыл свою лавку. Но торговля, которую он вел, давала очень мало дохода.

Детей у Чеховых было шестеро: Николай (талантливый художник,—он умер молодым от чахотки, от которой умер и брат его Антон Павлович), Александр (он занимался литературой, писал рассказы и романы; умер несколько лет тому назад) Антон, Михаил, Иван (Иван Павлович был учителем: он недавно умер в Ялте) и Марья (Мария Павловна много сделала для увековечения памяти своего знаменитого брата, издав полное собрание его писем; в настоящее время она заведует домом-дачей

А. П. Чехова в Ялте, превращенном в музей его имени. Значительное количество материалов московского музея имени Чехова являются даром Марии Павловны).

Семья, как видим, была большая, достатки же Павла Егоровича были невелики, и дети жили в суровой обстановке. Отец был человек, как говорится, старого закала, требовательный, не оставлявший без наказания ни одного поступка, но по своему очень любивший детей. Его мечтой было увидеть их богатыми людьми. Таганрог в пору раннего детства Антона Павловича был оживленный город. Приморский его порт вел значительную торговлю. И вся она была в руках греков, издавна поселившихся на берегу Азовского моря. Жизнь богачей-греков казалась завидной. Но для того, чтобы добиться положения сыновей каких-нибудь Вальяно или Скараманги*) надо было прежде всего... выучиться греческому языку. Павел Егорович решил, поэтому, маленьких Николая и Антона отдать не в гимназию, в которой уже учился их старший брат Александр, а в греческую школу. Павел Егорович рассуждал так:

— „Ну, что вот я с утра до ночи сижу в своей лавке торгую, а каждый год при подсчете оказываются одни убытки... То ли дело служить у Вальяно или у Скараманги... Сидит человек в тепле спокойно за конторкой, пишет и щелкает на счетах, и без хлопот получает чистоганом 1000 рублей в год. Надо будет детей отдать в греческую школу“...

— „Не лучше ли в гимназию?“—возражала Евгения Яковлевна.

— „Бог с ней, с гимназией!.. Что она даст? Вон у Ефремова сын вышел из 5-го класса, и латынь учил,—а что в нем толку? Сидит у отца на шее, ходит без дела по городу, да пожарного козла дразнит“...

Так и были отданы дети в греческую школу. Этой школой заведывал некто Вучина, Николай Спиридонович—грек. Неизвестно, чем занимался он у себя на ро-

*) Богачи, ведшие крупную хлебную торговлю.

дине,—таганрожцы помнили, что к ним в город пришел он оборванный, „без панталон“, — нищим. Конечно, никогда не был он педагогом, и учил совершенно нелепо. Люди богатые, даже греки—хлоботорговцы, которым так завидовал Павел Егорович, остерегались отдавать ему своих „наследников“, и в его школе обучались дети греческих шкиперов, матросов и вообще людей с малым достатком. Но Вучина, услыхав, что русский купец Чехов желает обучать сыновей греческому языку, уговорил Павла Егоровича отдать их в его школу. Павел Егорович согласился и сам отвел Николая и Антона к Вучине.

В греческой школе.

В школе у Вучины было пять классов и все они помещались в одной комнате. Учитель расставил в ней пять рядов парт. В начале каждого ряда красовались таблицы с цифрами I, II, III и так далее. Так ухитрился хитрый наставник из одного класса сделать сразу пять! В первом проходили азбуку и письмо, а в пятом доходили до греческого синтаксиса и до греческой истории. Дальше этого познания Вучины не шли.

На первых партах сидели ребятишки 6—7 лет, а в последнем ряду восседали великовозрастные парни лет по 18—19, с усами: силачи и гроза малышей. Учение началось с того, что Николай Спиридонович, проводив с поклонами Павла Егоровича до дверей, посадил обоих первых учеников на самую первую скамью, т.-е. в приготовительный класс, положил перед каждым из них по тоненькой книжечке под заглавием „Неон-Алфавитарион“, т.-е. „Новая азбука“ и сказал:

— Завтра надо принести за каждая книжка 20 копейк. Сказите эта васа папаса. А теперь возмите книжка и уците: альфа, вита, гамма, дельта, эпсилон...

Алфавит давался им с величайшим трудом. Наконец, за них взялся помощник Вучины—Спиро.

Спиро доходил в своем усердии чуть ли не до белого каления, оттягивал большим пальцем нижнюю губу Антона Павловича книзу и приказывал:

— Полози языка на зуба и скази—вита!

Ничего не выходило. Спиро бился и бросил. За полгода „Тсехофы“ успели усвоить чтение слов. Но Вучина, радея о своем кармане, доложил пришедшему осведомиться Павлу Егоровичу, что все идет прекрасно, и для документального доказательства в успешности обучения выдал его детям по награде—„бравион“ (от слова „браво“).

Коля принес домой листочек с надписью „эвсквис“, т. е. благочестивый, а Антоша „эпимелис“, т. е. прилежный...

Отец был чрезвычайно обрадован и на Рождество вздумал блеснуть их познаниями пред гостями. Но его постигло жестокое разочарование. Испытуемые, особенно Антоша, провалились и, выслушав сделанный им тут же выговор, ушли спать со слезами на глазах.

Ночью Антоша вздрагивал и часто просыпался.

Прошла зима. Приближались экзамены. Павел Егорович был убежден, что дети перейдут в следующий класс, но и тут осекся. За год они не научились даже читать и писать.

В лавке.

Тогда Павел Егорович убедившись, что с греческой школой ничего путного не выходит, решил отдать мальчиков в гамназию. Осенью поступил Антоша в приготовительный класс. Здесь он учился настолько успешно, что получил награду, и был зачислен в первый класс.

Но Павел Егорович все еще не оставлял своего первоначального намерения пустить сыновей по торговой части и начал приучать их к делу за прилавком в собственной лавке. И часто происходили такие разговоры между отцом и маленьким гимназистом Антошей:

— Тово...—говорит Павел Егорович:—я сейчас уйду по делу, а ты Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика навертываются на глаза слезы, и он начинает усиленно мигать веками.

— В лавке холодно,—возражает он,—а я и так озяб, пока шел из гимназии.

— Ничего... Оденься хорошенько—и не будет холодно.

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько... Скорее... Не копайся...

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает учебники, няпяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается тут же, в этом же доме. В ней—не весело, а главное—ужасно холодно.

Лавка Павла Егоровича называлась бакалейной и над ней висела большая вывеска: „Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары". Но у Павла Егоровича продавались также: мыло, колбаса, сальные и стеариновые свечи, сельди, корица, деревянное масло, гвоздика, веники, соль, жестянки для керосина, лавровый лист, конфеты, макароны, лимоны, керосин, маслины, французские булки, вакса, перочинные ножи, нитки, пуговицы, ламповые стекла, крупа, пшено, касторка, духи, помада, александрийский лист, гребешки, подсолнечное масло, мятные пряники, галеты, перец, чернила, ножницы, шафран, камфора и столько разных разностей, что всего и не перечислишь. В лавке по очереди дежурили все сыновья. Но дела в ней было мало, тем более, что Павел Егорович держал еще двух мальчиков—Андрюшку и Гаврюшку. Антоша к ним чувствовал симпатию, потому что их на его глазах били. Он с самых ранних лет, под благодетельным влиянием матери, не мог равнодушно видеть жестокого обращения с животными и почти плакал, когда видел, что ломовой извозчик бьет лошадь. А когда били людей, то с ним делалась нервная дрожь.

В лавке Антоша изнывал ужасно.

В церковном хору. Но еще больше огорчения доставляло ему и братьям участие в том церковном хоре, регентом которого был Павел Егорович.

Павел Егорович был глубоко убежден в том, что заставляя своих малолетних детей петь в церкви, он делает хорошее и богоугодное дело и не поддавался

СОУНБ им. В. Г. Белинского

никаким резонам и убеждениям. Евгения Яковлевна, как добрая, умная и любящая мать, не раз заступалась за детей и за их слабые груди, но Павел Егорович упорно стоял на своем и доказывал, что от упражнения в церковном хоре пению детские груди и голоса только укрепляются, а неуклонное посещение церковных служб развивает душу и благотворно действует на нравственность. При этом он всякий раз ставил в пример себя: он с ранних лет неуклонно посещал божий храм и пел на клиросе—и из него вышел, слава богу, человек.

Оставив должность регента соборного хора, которым он долго управлял, Павел Егорович затосковал и вскоре составил собственную певчую капеллу. Она состояла из любителей (10—12 кузнецов) и, во главе с ним шествуя по церквам, безвозмездно пела молебны, обедни, вечерни и всенощные. Вследствие отсутствия в ней дискантов и альтов, пение выходило грубым и подчас вызывало насмешки. Это побудило Павла Егоровича ввести детские голоса. И он воспользовался с этой целью своими подростками.

Двоим старшим выпало на долю исправлять первого и второго дисканта, а третий младший, только недавно поступивший в 1-й класс гимназии, должен был волею-неволею петь альтом.

Этот третий—альт—и был будущий писатель Антон Павлович. Тяжеленько приходилось бедному Антоше, только еще слагавшемуся мальчику, с неразвившейся грудью, с плоховатым слухом, с жиденьким голоском... Не мало было им пролито слез на спевках, и много детского здорового сна, отняли у него эти ночные поздние спевки: Павел Егорович во всем, что касалось церковных служб был аккуратен, строг и требователен. Если приходилось в большой праздник петь утреню, он будил детей в 2—3 часа ночи и, невзирая ни на какую погоду, вел их в церковь Греческого монастыря.

Почти три года пел Антоша в Греческом монастыре. Затем, когда кузнецы мало-по-малу разбрелись,—в Митрофаньевской церкви, на клиросе которой он зачастую

записывал бабам имена для поминовения „о здравии“ и, „за упокой“, и, наконец, в домовой церкви так называемого дворца, где жил и умер Александр I, и куда ездила говеть вся местная знать. Из желания щегольнуть перед ней, Павел Егорович заставлял детей разучивать „Да исправится“ и „Архангельский глас“ и для исполнения этих хоралов, согласно уставу, выводил малышей на середину храма.

В гимназии. В гимназии учился Антоша неважно. Два раза „сидел“: в третьем классе он остался на второй год, провалившись на экзамене по греческому языку, а в пятом—из-за неудачи по математике.

Его гимназический товарищ, писатель П. П. Сергеенко сохранил такие воспоминания.

„Большая до ослепительности выбеленная комната. В классе точно пчелиный рой. Ожидают грозу первого класса—учителя арифметики, известного под кличкой „китайского мандарина“. У полуоткрытой двери с круглым стеклянным окошечком стоит небольшого роста плотный, хорошо упитанный мальчик, с низко остриженной головой и белым лунообразным, пухлым, как булка лицом. Он стоит со следами мела на синем мундире и флегматически ухмыляется. Кругом него проносятся бури и страсти. А он стоит около двери, несколько выпятив свое откормленное брюшко, с отстегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной классной доске появляется вольнодумная фраза по адресу „китайского мандарина“. Рыхлый мальчик вялой походкой подходит к доске, флегматически смахивает влажной губкой вольнодумную фразу с доски. Но ухмыляющаяся улыбка все-таки осталась на его губах. Точно она вцепилась в его белое, пухлое лицо, а ему недосуг отцепить ее.

Вялого увальня с лунообразным лицом и ухмылявшейся улыбкой товарищи называют Антошей Чехонте“.

Это прозвище дал ему законоучитель—протоиерей Федор Покровский. Он так и вызывал баском по слогам: „Че-хон-те“. По всем вероятиям, это прозвище возникло от слова, которым ученики низших классов дра-

Государственная публичная библиотека им. В. Г. Белинского

знили Чехова и обозначающим южную породу рыбы: чехонь.

Никаких приятных воспоминаний гимназия о себе не оставила. В ней все было пропитано казенной скукой, бездушием учителей, тяжестью зубрежки. Зато много радости давала маленькому Чехову ловля птиц, до которой он был страстным охотником. Его товарищ по гимназии А. Дросси рассказывает, что он долгие часы проводил осенью с Антоном Павловичем на большом пустыре за двором чеховского дома притаившись за рогожною „принадою“ и поджидая момента, когда стая щеглов или чижей, привлеченная призывными криками товарищей, заключенных в вывешанную перед „принадою“ клетку, опустится с веселым чириканьем на пучки конопли и репейника, растыканные впереди этого сооружения. С затаенным дыханием, с сильно бьющимся сердцем, дрожащею рукою, старался кто-нибудь из охотников сквозь отверстие, проделанное в рогоже, осторожно навести волосяной силок, прикрепленный к длинной камышине, на головку птички и, если это удавалось, то с каким торжеством тащили они через отверстие, полузадушенную птичку, которую, освободив от петли, заключали в тут же приготовленную клетку!

С годами увлечение ловлей щеглов прошло, и Чехов с товарищами начали увлекаться литературой. На ряду с этим страстно интересовались они и театром.

Начало самостоятельной жизни. В 1876 году, в апреле, Павел Егорович окончательно закрыл свою торговлю и уехал в Москву к двум старшим сыновьям, из которых один (Александр) был тогда студентом, а другой (Николай), учился в Училище Живописи и Ваяния. Вслед затем и дом Чеховых был продан с банковских торгов купцу Селиванову. Всю мебель увез за долг один из кредиторов и Евгения Яковлевна с семьей осталась ни с чем. Ваню и Мишу отправили на время к дедушке в Платовскую деревню, а для 16-ти летнего Антоши настал серьезный момент его жизни—он должен был заменить собою главу семьи в момент ее полного развала.

Три месяца спустя (24 июля) Евгения Яковлевна навсегда уехала из Таганрога к мужу в Москву, захватив с собою Машу и Мишу. Антоша и Ваня были покинуты в Таганроге, можно сказать, на произвол судьбы. К весне следующего года Ваня тоже был выписан в Москву и Антоша остался совершенно один. Так он и прожил здесь в одиночестве целые три года, сам добывая себе средства к существованию и продолжая свое образование в гимназии, пока не окончил в ней курса.

Об этих годах его жизни,—говорит Михаил Павлович Чехов („А. Чехов и его сюжеты")—, к сожалению, семейных преданий сохранилось очень мало. Вернее, никто в переселившейся в Москву семье ровно ничего не знал об Антоне Павловиче, кроме того, что он сам ей о себе писал, а это ни шло дальше обычного утешения и нравственной поддержки с обеих сторон. Письма Антона Павловича от этой эпохи почти не уцелели, оставшись в недрах многочисленных московских квартир, которые так часто меняли в первые годы своей столичной жизни бедствовавшие таганрогские переселенцы. Все эти три года Антон Павлович жил у Селиванова, купившего с торгов Чеховский дом, и учил его племянника, казака Кравцева.

В музее имени Чехова в Москве хранятся некоторые документы, дополняющие скудные сведения об этом периоде жизни Чехова. Это прежде всего его гимназические отметки в двух бальниках, помеченных 1875—1876 и 1876—1877 учебными годами (см. табл. на сл. стр.).

Неизвестно, подействовало ли „внушение" или что другое, но отметки Чехова за 2 и 3 четверти значительно лучшие: двойка по алгебре исчезла, а четвертая четверть повысила его из 27 ученика в десятого...

Отметки следующего года: русский и славянский 4 в 1 и II четвертях, 3 в III-й, по греческому круглая тройка, алгебра две тройки (I и II четверть) и опять двойка в третьей; геометрия—тройка; история—четверка и тройка, немецкий—пятерка.

Отметки за первую четверть 1875 – 1876 года.

Предметы:	Успехи:	Внимание:	Прилежание:	Поведение:	Число пропущенных уроков.
Закон Божий	4	4	4	5	
Русский и славянский яз.	3	3	3	5	
Латинский яз.	3	4	3	5	
Греческий яз.	3	5	5	5	
Арифметика	—	—	—	—	Пять уроков.
Алгебра	2	3	4	5	
Геометрия и тригонометрия	4	4	5	5	
История	3	3	4	5	
География	—	—	—	—	
Французский яз.	—	—	—	—	
Немецкий яз.	4	5	5	5	
Чистописание	—	—	—	—	
Рисование	—	—	—	—	

Определение педагогическаго Совета: без разряда – 27 (двадцать седьмой ученик). *Внушение.*

В 1879 году А. П. кончил гимназию.

В списке, „удостоившихся аттестата зрелости за 1879 г. в Таганроге“, в графе „в какой университет и по какому факультету“, „или в какое высшее специальное училище желает поступить“—против фамилии Чехова сказано: „В Московский университет по медицинскому факультету“.

Это решение было принято им не сразу. Когда каждый заранее себе дорогу избирал, товарищи все допытывались у Антоши:

— „Куда же ты думаешь поступить?“.

Он молчал и затем вдруг выпаливал:

— „Попом буду“,—упорно твердил Антоша и уж больше от него нельзя было добиться никакого ответа.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

К последнему году пребывания Чехова в гимназии относится следующее свидетельство по приписке к призывному участку, хранящееся в музее:

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Таганрогский мещанин Антон Павлович Чехов, родившийся 17-го января 1860 г., приписан по отбыванию воинской повинности ко 2-му призывному участку Таганрогско-Ростовской части.

Возраст—призывной. Обучается в Таганрогской гимназии.

Выдано Таганрогской Городской Управой
1-го марта 1879 года. № 663.

Приехал Чехов в Москву, имея вместо паспорта следующий „билет", глубоко любопытный изложением его „особых примет", в чисто полицейском стиле (орфография подлинника):

БИЛЕТ.

Приметы:
Лета—19.
Рост—2 ар. 9 вер.
Волосы } русые.
Брови }
Глаза—карие.
Нос } умеренные.
Рот }
Лицо—продолговатое, чистое.
Особ. приметы—под волосами шрам.

Предъявитель сего, Екатеринославской губернии, гор. Таганрога, мещанин Антон Павловичь*) Чехов, отпущен от Таганрогской мещанской Управы, для местожительства в разных губерниях России сроком от нижеписанного числа впредь на один м-ц.

Если же он в течение льготного месяца не явится, поступлено будет по закону.

Мещанский староста *И. Внуков*

Дан второй день августа 1879 г. № 1278.

---

*) Так именно и написано: *Павловичь*, как произносили в Таганроге. Чехов в ранних своих рассказах еще не свободен от провинциалов; позже он в письмах вышучивал таганрогскую манеру произношения.

Собрание им. В. Г. Белинского

Таганрогский период в творчестве Чехова нашел свое отражение во многих его рассказах.

В „Ваньке" горькая участь мальчика, отданного в жестокую выучку к сапожнику, изображена под впечатлением воспоминаний о горькой доле мальчиков в „бакалейном магазине" Павла Егоровича; „Канитель"— сколок с тех сцен, что происходили в Митрофаньевской церкви, на клиросе которой приходилось гимназисту Чехову не только петь, но и писать поминания; рассказ „Репетитор" навеян воспоминанием об уроках с казаком Кравцовым.

Людям, хорошо знающим Таганрог и его окрестности, было бы нетрудно точно обозначить место действия некоторых рассказов Чехова и определить местные детали. Вот как это делает один из его земляков *).

„Сделанные в детстве и юности наблюдения над бытом, природой и людьми родного края, Чехов претворял потом в свое творчество, пользуясь воспоминаниями как материалом. Таким именно путем создал Чехов такие высоко художественные вещи, как „Степь," „Счастье", „В родном углу", „Печенег", „Холодная кровь", „Человек в футляре", „Огни" и „Бабы".

Здесь очень полно и ярко отразились родной быт, родная природа. В „Степи"—ряд картин степной жизни Приазовья, яркие типы степняков, чудесные пейзажи, великолепная лирика. В „Счастье" Чехов рисует степной уголок таганрогского округа так определенно, что можно указать даже местность, где стояла изображенная в разсказе отара. Это—несомненно, какой-либо волобок близ слободы Амврозиевки, так как упоминается о „далекой, похожей на облако Саур-могиле",—огромном степном кургане в северной части таганрогского округа, и о ближайших селах - Матвеевом кургане, Есауловке, Городище.

В разсказах—„Печенег" и „В родном углу" описываются тоже вполне определенные места—северная часть

*) *П. Сурожский.* Местный колорит в творчестве Чехова. Газета „День", 2 июля 914 г.

таганрогскаго округа, ровная, степная, с редкими селами, хуторами и шахтами. Здесь проходит линия донецкой ж. д. и в обоих рассказах о ней упоминается, а в „Печенеге" прямо указана станция Провалье, близ которой жил (а может быть, и теперь живет) своим маленьким хуторком нудный Жмухин.

С особенною яркостью отразились Таганрог и его ближайшие окрестности в рассказе „Огни". Здесь находим точное до мелочей описание дачного местечка близ Таганрога—Карантина и в особенности дороги от Карантина до Таганрога ночью (упоминается пустующее здание мукомольной мельницы с вышибленными окнами, ветряки, кладбище, домики предместья), затем удивительно яркое изображение города на рассвете и, наконец, вечерний путь от Таганрога до Ростова по берегу моря.

В „Степи" Малая Нижняя улица, где стоит красный „домичек" это—Новостроенка, предместье Таганрога. „Палата №6"— таганрогский сумасшедший дом.

„Человек в футляре"—мастерской портрет бывшего много лет инспектором таганрогской гимназии покойного Дьяконова, который ходил по улице, странно закутавшись, в темных очках, с ватой в ушах.

К рассказам с таганрогской подкладкой принадлежат также „Красавицы", „Страхи", „Перекати поле", „Брак по расчету", „Ворона", в котором описан известный таганрогский танцмейстер Вронди.

В „Огнях" попадается одно из южных словечек, каких не мало у Чехова: „греки пендосы". Все таганрогское в „Степи"—и курганы, и каменные бабы, и уменьшительное Ера от Егор, и зернистая икра в жестянке, которой о. Христофор угощает болящего. В дни детства Чехова икра стоила дешевле и была доступна даже небогатым людям.

II

МОСКВА

(1879—1890 гг.)

В Университете. По переезде из Таганрога Чеховы поселились в одном из беднейших Московских районов, на Драчевке (нынешней Трубной), сняв полуподвальную квартиру в четыре комнаты. Здесь с отцом и матерью разместилось семь душ. Отец, поступивший на службу в амбар Гаврилова в Теплых рядах *) на 600 руб. годового содержания, ночевал на месте службы и приходил домой только по воскресеньям и праздникам. Чтобы облегчить бремя уплаты за квартиру в семью были приняты „нахлебники".

Когда в 1879 г. Антон Павлович кончил таганрогскую гимназию, он осенью переехал в Москву—в эту квартиру на Трубную—и привез с собою „жильцов", товарищей своих—Савельева и Зембулатова. **)

При всей тесноте в доме Чеховых порой бывало настолько шумно, что владелец, причт церкви Николы Драчи, не выдержал и выселил семью.

„С момента переезда Антона Павловича — личность отца Павла Егоровича — пишет Мих. Пав. Чехов („Антон Чехов и его сюжеты") отошла на задний план—Антон Павлович заменил собою хозяина. И кто знает, что случилось бы со всей семьей, при отсутствии Александра и Николая, если бы не приехал во-время из Таганрога

*) Нравы амбара описаны Чехова в повести „Три года".
**) Их фотографии см. в Музее.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ им. В. Г. Белинского

Антон. Необходимость добывать деньги во что бы то ни стало заставляла Антона Павловича писать рассказы, Николая рисовать карикатуры, Ивану пойти в народные учителя, а маленькому Михаилу переписывать студенческие лекции и делать чертежи. Евгения Яковлевна и сестра Маша работали, не покладая рук. Это было трогательное единение всех членов семьи сплотившихся вокруг одного центра—Антона и связанных между собою искренней и чуткой дружбой. Что скажет Антон? Что подумает Антон? Как к этому отнесется Антон?—стало девизом для всей семьи". (В Музее см. фотографии Николая, Александра и Марии Павловны, датированные этими первыми годами московской жизни Чеховых).

В музее имени Чехова в Москве среди документов, относящихся к студенческим годам Чехова, хранится следующий:

БИЛЕТ НА ПРАВО СЛУШАНЬЯ ЛЕКЦИИ
Императорского
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
студенту 2-го курса
АНТОНУ ЧЕХОВУ
на половину 1880—81 года.

Дан 1880-го года, сентября 30 № 21.
Пом. Инспектор .....

сбоку пометка: „*75*" *руб.*—обозначающая, очевидно, что полугодовая плата за слушание лекций внесена.

На билете подпись:

Студент *Антон Чехов.*

Студентом Чехов был довольно исправным, занимался усердно и, вероятно, если бы не стал писателем,—был бы превосходным врачом. Его студенческие работы выпол-

Собрание им. В. Г. Белинского

нены с большим вниманием и свидетельствуют о той же чуткости к человеческому страданию, которой так отличается его подлинно „человеческий талант". В музее имени Чехова в Москве хранится „История болезни", написанная Чеховым в бытность его студентом третьего курса. Работа выполнена превосходно, как в чисто медицинском отношении, так и в смысле четкости и точности литературного изложения.

Период „Антоши Чехонте".

Но хотя Чехов до конца дней своих никогда окончательно не забрасывал медицину, но все же профессионального врача из него не вышло. Уже со второго курса университета он начал печататься; с каждым годом росло увлечение литературой и отходили на задний план интересы медицины. Едва ли не из соображений чисто экономических, в поисках необходимого заработка, принялся Чехов за литературную работу. Его первая вещь „Письмо к ученому соседу" была напечатана в журнале „Стрекоза" за 1880 г. в № 10. С этого момента начинается деятельное и очень плодотворное участие Чехова почти во всех выходящих тогда в Москве юмористических журналах и еженедельных иллюстрированных изданиях: в „Стрекозе" (1880 г.) „Будильнике", (1881—87 г.), „Зрителе" (1881—83 г.), „Мирском толке", (1882 г.), „Москве" (1882 г.), „Осколках" (1882—1887 г.), „Свете и тенях" (1882 г.), „Спутнике" (1882 г.), „Русском сатиристическом листке" (1884 г.), „Развлечении" (1882 г.), „Сверчке" (1886 г.), „Альманах" „Будильника" (1882 г.) и „Стрекозы" (1884 г.) (См. собрание этих журналов в Музее).

Все эти вещи подписаны псевдонимами: „Антоша Чехонте" (пригодилось Чехову то шутливое прозвище, которым окрестили его в гимназии!), „Чехонте", „Антоша", „Антоша Ч.", „Ан. Ч.", „А.—н—Ч.", „Ан. Че—е", „Анче", „Человек без селезенки", „Врач без пациентов", „Вспыльчивый человек", „Антонсон", „Балдасов", „Рувер", „Улисс", „Брат моего брата". Последний псевдоним вызван видимо тем, что в тех же журналах, в ко-

торых писал Антон Павлович, участвовал и старший брат его Александр,—подписывавшийся „Агофопод Еденицын".

Антоша Чехонте выступил как юморист, ярко, остро, и забавно изображая смешные стороны московской городской и дачной жизни и откликаясь на все злобы дня. Он пишет и пародии на театральные пьесы, идущие в московских театрах, и маленькие рассказы, и фельетоны, и обзоры, и даже дебютирует на страницах газеты „Новости дня" романом. („Драма на охоте"). Знакомство с петербургским писателем и издателем Н. А. Лейкиным доставляет ему постоянное сотрудничество в „Осколках", а затем и в „Петербургской газете", в которой он участвует не только как беллетрист, но и как судебный хроникер, помещая отчеты о громком деле банкротства банка в Скопине.

Нельзя сказать, чтобы этот газетно-журнальный труд удовлетворял Чехова. Его, конечно, тянуло в большую литературу. Да и сочинять этих, как он называл свои маленькие вещички,— „комаров и мух" приходилось в условиях мало подходящих. В одном из писем к своему редактору Лейкину он жалуется: „Пишу при самых гнусных условиях: передо мной моя нелитературная работа, хлопающая немилосердно по совести: в соседней комнате кричит детеныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух „Запечатленного ангела", кто-то завел шкатулку, и я слышу „Елену Прекрасную". Для пишущего человека гнуснее этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята приехавшим родственником, который все время подходит ко мне и заводит речь о медицине. Обстановка бесподобная".

Оплачивалось сотрудничество в мелких журналах неважно. Младший брат Антона Павловича, Михаил Павлович имел особую „доверенность" на получение гонорара, причитающегося „Антоше Чехонте", при чем, как он рассказывает, ему приходилось часами ждать получки в редакциях каких нибудь трех рублей.

— „Чего вы ждете?, — спросит, наконец, издатель, которому станет жалко ожидающего.

„Да вот получить три рубля....

„У меня их нет... Где ж я их возьму? Может быть, вы билет в театр хотите? Или брюки новые? Так сходите к портному такому-то и возьмите брюки за мой счет".

Первые сборники. Мечта каждого начинающего автора — издание первого сборника. Такая попытка Чехова относится еще ко второй половине 1883-го года.

Целиком сборник не сохранился, — нет ни заглавного листа, ни конца. Уцелело только семь печатных листов (112 страниц), талантливо иллюстрированных Николаем Чеховым и вместивших двенадцать далеко не лучших из первых вещей А. П—ча. Наиболее правдоподобно, что кроме этих семи листов, и не было более набора. Сюда вошли рассказы и наброски, перепечатанные в XXII, и XVII т т. „Сочинений": — „Жены артистов", „Папаша", „За двумя зайцами погонишься", „В вагоне", „Письмо к ученому соседу" и др., пародии на рассказы Гюго (Тысяча одна страсть, т. XXII), Жюль Верна (Летающие острова), и на испанских авторов („Грешник из Толедо", т. XXII). Сохранившиеся листы обрываются на полуфразе. (Экземпляр этого сборника хранится в Музее).

Вероятно у юного Чехова не хватило денег на расплату с типографией. Издание было прервано по отпечатании семи листов.

Следующий год был для Чехова счастливее. „Сказки Мельпомены" А. Чехонте в этом году увидели свет (тип. Левенсон, 1884, 96 стр. ц. 60 к.)

Всех рассказов в сборнике было шесть — „Он и она" (см. т. XVII), „Трагик" (т. III), „Барон", „Месть", „Два скандала", (т. XVIII) и „Жены артистов" (т. XVII). Книжка печаталась в кредит с рассрочкою уплаты на четыре месяца. (Экземпляр этого и остальных сборников рассказов Чехов хранятся в Музее).

СОУНБ им. Г. Белинского

Братья Чеховы.

Чехов был молод, бодр, жизнерадостен. Юмор бил в нем неиссякаемо. В Музее имени Чехова в Москве хранятся страницы из „Будильника", «Зрителя», „Стрекозы" с иллюстрациями и карикатурами брата Антона Павловича—Николая Чехова—талантливого художника. Большинство подписей под ними принадлежит „Антоше Чехонте". Острый рисунок Николая Чехова схватывал быт тогдашней Москвы, а необыкновенно забавные подписи к этим зарисовкам „Антоши Ч." верно и метко дополняли набросанную картину нравов и бытов. Следует обратить внимание и на хранящийся в Музее большой рисунок Н. Чехова„ Свадебный сезон" с текстом Антона Павловича. Из этих подписей к персонажам рисунка впоследствии выросла веселая комедия Чехова „Свадьба".

Несколько раз зарисовывал Николай Чехов и своего брата Антона: так в молодом студенте, забравшемся на столик среди пирующей компании молодежи, праздную щей „Татьяну" (до революции день 12-го января считался днем праздника московского университета) не трудно узнать Антона Павловича. Он же послужил моделью и для рисунка „Студент занимается" (рисунок в Музее).

В Музее есть также и законченный портрет (в красках) Антона Павловича работы Николая Чехова. Он относится как раз к тому периоду его юности и начинающейся литературной известности, вспоминая о котором, говорил П. П. Сергеенко, — гимназический товарищ Чехова, что Антон Павлович в те московские годы „стал, после Таганрога, неузнаваем. Вместо вялого, рыхлого увальня с пухлым, как булка, лицом, передо мною стоял высокий, стройный юноша, с веселым, открытым и необыкновенно симпатичным лицом. Легкий пушок темнел на его верхней губе. Целая волна шелковистых волос, поднявшись у лба, закругленным изгибом уходила назад, слегка раздвинутым пробором почти на середине головы, что придавало Чехову характер русского мило-

Братья Чеховы—Антон и Николай.

СОУЗ

видного парня, какие встречаются в зажиточных крестьянских семьях".

Таким, каким описывает Чехова П. П. Сергеенко, изображен Антон Павлович и на рисунке „Редакционный день „Будильника". Тут зарисованы все постоянные сотрудники этого журнала — покойные Курепин, Пассек, Е. Кони, — и по ныне здравствующие П. П. Сергеенко, В. А. Гиляровский, А. В. Амфитеатров *).

Ал. В. Амфитеатров, много писавший о Чехове, с которым он работал в московских изданиях 80-х годов, говорит об этой поре беззаботного сотрудничества Антоши Чехонте по „Будильникам", что ему живо вспоминается конурка на Тверской где помещалась редакция этого журнала. „В душной, тесной, препоганой, надо отдать ей справедливость, комнате бывало—дышать нечем. Все курят, - и, сквозь дым, чихает и кашляет еле видный, кроткий редактор, маленький, голубоглазый А. Д. Курепин, с его красивым лицом, седой головой в сорок лет!— и с холенною, раздвоенною бородкой. Антон Чехов писал в „Будильнике" в то время почти всю прозу, подерживаемый братом своим Александром, присылами Евгения Кони, брата А. Ф. Кони, да шутками юриста-второкурсника Евгения Пассека... Сколько писалось, а ведь и писалось то не столь по любви к искусству, сколь по редакторскому заказу, и платилось за все это гроши и Антон Павлович говорил нам внушительным своим молодым баском. — „Мой идеал заработка получать 15коп. за строчку и зарабатывать 300 руб. в месяц". На что мы скептически улыбались и говорили:

— „Губа-то у вас не дура. Разве это мыслимо?

— „А вот увидите!

— „Ну дай бог нашему теляти волка поймати".

В сентябре 1884 года, А. П. Чехов кончил университет **). Среди его бумаг, в папке, переданной музею Чехова М. П. Чеховой, хранится следующее:

---

*) Рисунок см. в Музее.

**) В Музее см. фотографическую группу выпуска этого года.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

От Совета Императорского Московского Университета Лекарю Антону Чехову дано сие свидетельство в том, что он по надлежащим испытаниям в Медицинском факультете, Определением Университетского Совета, 15-го сентября сего года состоявшимся, утвержден в звании Уездного Врача.

Дан в Москве, ноября 15 дня 1884 г.
№ 4157

Ректор Университета *Н. Боголепов.*
Декан Медицинского факультета *Н. Склифасовский.*
Секретарь по студенческим делам *Д. Облеухов.*
У сего свидетельства Императорского Московского университета печать.

Воскресенск. Летом этого года А. П. Чехов гостил у своего брата Ивана Павловича — в городе Воскресенске*), в 60 верстах от Москвы.

Тогда, вспоминает Мих. П. Чехов, это был маленький городишко, скорей похожий на небольшое село, с одною только церковью. Управлялся он полицейским надзирателем, которого звали „городничим“ и вообще, жить в нем было дешево и приятно, так как окрестности его прекрасны. К тому же общество было интересное и дружное.

В двух верстах от Воскресенска была Чикинская земская больница, которой заведывал известный тогда земский врач П. А. Архангельский. К нему съезжались на практику многие студенты-медики и молодые врачи. Окончив курс в университете, А. П. на первых порах хотел, было, заняться врачебной практикой и даже повесил вывеску на дверях: „Доктор А. П. Чехов“ и подавал прошение в Московскую детскую больницу, куда хотел определиться на службу. Скоро он близко сошелся с П. А. Архангельским, часто принимал у него больных и вообще любил бывать в Чикине. Больница эта

*) Фотографии видов Воскресенска см. в Музее.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

дала ему темы для многих его рассказов („Хирургия“, „Пашка“, „Горе“, „Беглец“). В Чикинскую больницу к Архангельскому наезжал также и врач Звенигородской земской больницы С. П. Успенский, молодой человек из семинаристов, говоривший на „о“ и со всеми обращавшийся на ты.

— Послушай, Антон Павлов, — обратился он к писателю, — я, брат, поеду в отпуск, а заменить меня некем...Послужи, брат, ты за меня. Моя Пелагея, будет тебя кормить. И гитара есть...

А. П. подумал, согласился и переехал в Звенигород.

Звенигород. Звенигород дал темы для целого ряда рассказов Чехова: „Мертвое тело“, „На вскрытии“, „Экзамен на чин“ и др. В музее имени Чехова в Москве хранится официальный документ, рисующий один из моментов деятельности Чехова, как уездного врача. Вот это:

М. В. Д.

ПРИСТАВ II СТАНА
Звенигородского уезда
Московской губернии.

5 июля 1885 года
№ 2115.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие исполняющему обязанности за Звенигородского уездного врача врачу Антону Павловичу Чехову, в том, что им 7-го сего июня, согласно предписания товарища прокурора за № было произведено вскрытие в селе Пятницком трупа умершего крестьянина Андрея Семенова.

Звенигород от с. Пятницкого находится в 44 верстах пути. В чем подписом и приложением печати свидетельствую.

Пристав: (подпись неразборчива).

Уральская Облас... БИБЛИОТЕК... Фундаментальн...

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Бабкино. В 5-ти верстах от Воскресенска жил в своей усадьбе Бабкино помещик А. С. Киселев. Он был женат на М. В. Бегичевой, дочери бывшего директора императорских театров В. П. Бегичева. Семья Бегичевых познакомилась с Чеховыми с 1885 года. Три лета под ряд они прожили у Киселевых в Бабкине.

(В Музее см.: виды Бабкина, дом Киселевых, террасу над рекой Истрой, церковь, описанную Чеховым в „Недоброе дело" и в „Ведьме" и флигель, в котором жили Чеховы).

В Бабкино можно съездить с целью посетить один из чеховских уголков. Надо взять билет до станции Новый Иерусалим — 60 верст от Москвы, затем пройти несколько верст — по очень живописной дороге — до Бабкина. На обратном пути следует зайти в Чикинскую земскую больницу, описанную Чеховым (р. „Беглец") и в самый Воскресенск, в котором есть библиотека имени Чехова. Поездка в Бабкино интересна для установления того колорита, которым проникнуты рассказы Чехова, написанные в этот период: „Дочь Альбиона", „Недоброе дело", „Злоумышленник" и мн. др.

Интересные подробности, ярко рисующие быт Бабкина и настроение его обитателей, дает в своих воспоминаниях Михаил Павлович Чехов:

„Недалеко, по ту сторону реки, в деревне Максимовке жил художник И. И. Левитан*), хороший друг Антона Павловича. Было чрезвычайно интересно. Здесь в Бабкине, случился „Налим". Я как сейчас вижу и купальню, и мужиков, и пастуха.

Просыпались очень рано. Часов в семь утра А. П. уже сидел у себя за столиком и писал. Писал он тогда в „Осколки" и в „Петербургскую Газету", и во всех почти рассказах того времени можно увидеть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо из бабкинских обы-

*) Его фотографию см. в Музее.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

вателей тяготевших к Бабкину деревень. Обедали в час. После обеда всей компанией шли по грибы в Дарагановский лес. А. П. был страстным любителем искать грибы и во время ходьбы по лесу легче придумывал темы. Близ Дарагановского леса стояла одинокая полевшинская церковь *), всегда обращавшая на себя внимание Антона Павловича. В ней служили всего один раз в год, на казанскую и по ночам до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторож звонил часы. Эта церковь с ее домиком для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала Чехову мысль написать „Ведьму" и „Недоброе дело".

В Москве. Пятилетие 1883 — 1888 гг. было одним из счастливейших в жизни Чехова. Казалось, что ему все улыбалось: быстро шла известность, а с нею и материальный достаток, силы еще не были подорваны, жизнерадостность еще не покидала. О своей жизни в эту пору сам Чехов пишет дяде в Таганрог, что „хотя он капитала еще не нажил и не скоро наживет, но живет сносно и ни в чем не нуждается"... „Если буду жив и здоров,—продолжает А. П.,—то положение семьи обеспечено. Купил я новую мебель, завел хорошее пианино, держу двух прислуг, даю маленькие музыкальные вечеринки, на которых поют и играют... Долгов у нас нет, и не чувствуется в них надобности. Недавно забирали провизию (мясо и бакалею) по книжке, а теперь я и это вывел, и все берем на деньги. Что будет дальше не видимо, теперь же грешно жаловаться." (Письма Чехова, том первый, М. Г. Чехову Москва, 85, I, 31.).

Насчет забора товара по книжке Чехов несколько ошибался. Оказалось, что его домашние все таки продолжали прибегать к кредиту, и однажды, неосторожно забрав на бо́льшую, чем обычно сумму, не смогли во время расплатиться. В Музее хранится следующая:

---

*) Снимок этой церкви см. в Музее.

Граж. Дело 1886 г. № 448.

ПОВЕСТКА.

Адрес: Якиманской части 22 участка. Б. Якиманка.

Московский столичный мировой судья Якиманского участка вызывает в мировой суд, состоящий по Бересеновке в доме съезда, на 5 число марта месяца 1886 года к 10 час.

Ответчика лекаря Антона Павловича Чехова по иску Семенова 105 рублей за забранный товар.

Разумеется, долг был уплачен и уже больше „лекарю А. П. Чехову“ не пришлось выступать в роли ответчика по искам лавочников... Жили в эти годы Чеховы в доме („похожем на комод“) Корнеева на Садовой*). Здесь посетил А. П. впервые В. Г. Короленко, оставивший такое описание своего визита:

„В те годы семья Чехова жила на Садовой в небольшом красном уютном домике, какие, кажется, можно встретить только еще в Москве. Это был каменный особнячек, примыкавший к большому дому, но сам составлявший одну квартиру в два этажа. Внизу меня встретила сестра Чехова и младший брат, Михаил Павлович, тогда еще студент. А через несколько минут по лестнице сверху спустился Антон Павлович.

Передо мной был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым правильным и чистым лицом, неутратившим еще характера юношеских очертаний**). В этом лице было что то своеобразное, что я не мог определить

*) В Музее есть его снимок.

**) В Музее — несколько фотографий А. П., относящихся к этим годам.

Собрание В. Г. Белисского

сразу, и что впоследствии, по моему очень метко, определила моя жена, тоже познакомившаяся с Чеховым. По ее мнению, в лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня, и это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокие светились одновременно мыслью и какой то особенной, почти детской непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях. Вообще, в это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного, казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия, непосредственного веселия которым были переполнены и его рассказы. И вместе угадывалось что то более глубокое, чему еще предстоит развернуться и развернуться в хорошую сторону".

Перелом в творчестве. С 1886 года Чехов начал работать в газете „Новое Время", с редактором которой А. С. Сувориным у него вскоре установились дружеские отношения. Среди писем Чехова в 6 томах его переписки—самые ценные и для истории его жизни, и для истории творчества—это письма к А. С. Суворину. *) Поддерживая многолетнюю близость с Сувориным, который был первым редактором Чехова, „не затруднившимся мотивировкой" своего отношения к его вещам,—А. П. однако далеко не разделял политических взглядов, проводимых в газете Суворина. „Новое Время" являлось органом монархическим и откровенно националистическим, занимающимся травлей евреев, армян и остальных „инородцев". Чехов разошелся с Сувориным в тот момент, когда „Новое Время" поддерживало французских юдофобов и националистов в их гнусной компании против невинно осужденного офицера Дрейфуса, обвиненного в шпионаже. Чехов был убежден в его невинности и травлю Дрейфуса считал делом бесчестным.

---

*) См. в Музее его фотографии.

В „Новом Времени“ (в 1886 г.) был напечатан рассказ Чехова „Панихида“, подписанный уже не псевдонимом, а полным именем. С этого рассказа намечается новая грань в творчестве Чехова, отходящего от юмористики к серьезным темам, в которых все чаще и чаще начинали звучать лирические мотивы—та музыка „человеческих слез“, которую так чутко уловил Чехов.

Письмо Григоровича. 27-го марта Чехов совершенно для себя неожиданно получил письмо от известного писателя Д. В. Григоровича, письмо произведшее на него огромное впечатление: старый писатель называет Чехова настоящим художником, призывает его бросить мелкое срочное писание и, уважая свой талант, начать серьезную творческую работу. Чехов отвечал взволнованно и благодарно. Он признавался, что до сих пор относился к своему писательству почти шутя, строчил рассказы иной раз как репортеры отчеты о пожарах, а „Егерь“, который понравился Григоровичу,— он писал лежа в купальне... (Оригинал письма Григоровича находится в Музее).

Этим письмом начинается новый этап в развитии творчества Чехова. „Антоша Чехонте“ исчезает. Уже на обложке книги „Пестрые рассказы“ под псевдонимом,— в скобках, поставлено настоящее имя автора. Все же последующие сборники выходят за подписью Антона Чехова.

„Иванов“ и „Степь“. В 1887 году выходит книга его рассказов „В сумерках“ и в этом же году ставится на сцене московского театра Ф. А. Корша „Иванов“—первая пьеса Чехова. В музее имени Чехова хранится договор, заключенный театром с Чеховым. Из этого документа явствует, что Чехов получал 2 процента с валового сбора с каждого представления. „Иванов“ был поставлен 19 ноября 1887 года и прошел со средним успехом: ни исполнители, ни публика не поняли новизны сюжета и оригинальности формы. Многие из писавших о пьесе прямо таки издевались над Чеховым. Зато огром-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ный успех имел „Иванов“ в Петербурге на сцене Александринского театра (1889 год), где он шел для бенефиса режиссера Федорова-Юрковского в один вечер с водевилем Чехова „Медведь“.

(В Музее хранятся программы обоих постановок).

В 1888 г. в петербургском ежемесячном журнале „Северный Вестник“, в мартовской книжке, была помещена повесть Чехова „Степь“. Это было началом вхождения писателя в большую литературу. В „Северном Вестнике“ печатались такие крупные произведения Чехова как „Огни“, „Именины“, „Рассказ неизвестного человека“.

Пушкинская премия. В этом же году Чехов получил половинную премию (500 рублей) имени Пушкина, присужденную ему Академией наук за сборник рассказов „В сумерках“. Это большое событие в писательской жизни Чехова. Оно тем более было радостно, что самое присуждение премии являлось полной для него неожиданностью: книгу без ведома автора передал в Академию А. С. Суворин по собственной инициативе, и Чехов, когда доходили до него слухи, что его сборник уже рецензируют академики, не верил в возможность получения не только премии, но даже и „почетного отзыва“. Первое известие о премии пришло от Суворина. Вот текст телеграммы, хранящейся в Музее:

7 ноября 1888 года.

Сейчас радостный Григорович принес вам и мне радостную весточку: академия наук присудила вам пушкинскую премию в 500 рублей за ваши рассказы. Поздравляю от всей души.

Суворин.

На Луке. Лето 1888—1889 Антон Павлович провел с семьей на даче в Харьковской губернии в усадьбе Лука на реке Псел, Сумского уезда: (см. фотографии в Музее). Усадьба принадлежала Линтваревым. Семья Линтваревых

СОЮЗ ИМЕНИ ЧЕХОВА

состояла из трех сестер (две из них были врачами, третья курсисткой) и двух братьев. Это были превосходные люди, с которыми очень сблизились все Чеховы.

У Чехова гостили летом А. С. Суворин, А. Н. Плещеев, и известный актер Свободин. Часть лета 1888 г. провел А. П. в Феодосии, на даче Суворина (см. снимки в Музее). Отсюда вместе с сыном Суворина поехал на Кавказ. Вернувшись опять на Луку, Чехов съезд л в Сорочинцы и в Миргород. „Крыжовник", „О любви" отчасти „Вишневый сад" навеяны впечатлениями и встречами в этих „гоголевских местах". Следующее лето, проведенное также у Линтваревых, в биографии Чехова отмечено печальным событием—смертью брата Николая. Он умер от чахотки на руках Антона Павловича. Об этой смерти он писал Плещееву так:

Смерть брата Николая.

„Бедняга художник умер. На Луке он таял, как воск и для меня не было ни одной минуты, когда бы я мог отделаться от сознания близости катастрофы... Нельзя было сказать, когда умрет Николай, но что он умрет скоро,—для меня было ясно. Развязка произошла при следующих обстоятельствах. Гостил у меня Свободин. Воспользовавшись приездом старшего брата, который мог сменить меня, я захотел отдохнуть дней пять и поехал в Полтавскую губернию. Приехали ночью. Мокрые, холодные легли спать в холодные постели, уснули под шум холодного дождя. Утром была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю—не забыть потому, что утром приехал из Миргорода мужичонка и привез мокрую телеграмму: „Коля скончался". Можете представить мое настроение. Пришлось скакать обратно на лошадях до станции, потом по железной дороге и ждать на станции по восемь часов: в Ромнах ждал я с семи часов вечера до двух часов ночи. От скуки пошел шататься по городу. Помню сижу в саду: темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стеной, около которой я сижу, актеры репетируют какую то мелодраму. Дома я

застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые. Похороны устроили мы художнику отличные. Несли его на руках с хоругвиями и проч. Похоронили на деревенском кладбище под медовой травой, крест виден далеко с поля. Кажется, что лежать ему очень уютно". (Снимок могилы Н. П. Чехова см. в Музее).

После смерти брата Антон Павлович как-то сразу вдруг переменился. „Он засуетился, стал тосковать, и вскоре же после похорон, уехал из Луки скитаться. Собирался он за границу, но не поехал, почему-то застрял в Одессе, где в то время была на гастролях московская труппа Малого театра. Поехали затем в Ялту... Какое-то странное равнодушие к жизни овладевает писателем, он ко всему теряет охоту и интерес". (М. П. Чехов).

Поездка на о. Сахалин. В 1890 г. А. П. предпринял поездку на остров Сахалин. Поездка эта была выдумана — как пишет М. П. Чехов — совершенно случайно. Собрался А. П. на Дальний Восток, как-то вдруг, неожиданно, так что в первое время было трудно понять, серьезно ли он говорит об этом, или шутит. В то время его младший брат Михаил Павлович кончал курс юридического факультета в Московском университете и учил лекции по уголовному праву, судопроизводству и тюрьмоведению. Эти лекции заинтересовали писателя, он прочитал их и вдруг засуматошился, засобирался. Начались подготовительные работы к поездке. Ему не хотелось ехать на Сахалин с пустыми руками, и он стал собирать материалы. Знакомые барышни делали для него выписки в Румянцевской библиотеке, он доставал откуда-то редкие фолианты о Сахалине. Работа кипела. Но его озабочивало то, что его, как писателя, после разоблачений известного Кэнана *) не пустят на каторгу, или же покажут ему не все, а только то, что можно показать, и он отправился в январе в 1890 году в Петербург хлопотать о том, что

*) Написавшего книгу о Сибири и каторге. Она была переведена на русский язык после 1905 года.

бы ему дан был свободный пропуск повсюду. С другой стороны, его беспокоило то, что его поездке могут придать официальный характер. Обращение к стоящему тогда во главе Главного Тюремного Управления Н. М. Галкину-Врасскому не принесло никакой пользы, и без всяких рекомендаций, а только с корреспондентским билетом*) в кармане он двинулся наконец на Дальний Восток.

В письме к А. С. Суворину А. П. вскрывает мотивы, побуждающие его поехать на Сахалин:

„После Австралии,—писал он,—Сахалин—это единственное место, где можно изучать колонизацию преступников. Вопросом заинтересована вся Европа, а нам он не нужен. Сахалин—это место невыносимых страданий, на какие только способен бывает человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи, и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места подобные Сахалину мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть в частности на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски, мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников—и все это сваливали на тюремных, красноносых смотрителей. Прославленные шестидесятые годы не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации. В наше время для больных делается кое-что. Для заключенных же ничего, тюрьмоведение совершенно не интересует наших юристов. Нет, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто другой, более смыслящий в деле и более спо-

*) Этот корреспондентский билет от „Нового Времени“ хранится в Музее.

собный возбудить интерес в обществе. Я же лично еду за пустяками".

План путешествия слагался в таком виде: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне) Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва.

На Сахалине пробыл Чехов три месяца, выполнив сложнейшую работу по переписи всего подневольного населения острова и отобрав богатейший материал по истории края, а также по его флоре и фауне.

Объезжал он каторгу, имея одно лишь выданное ему начальником острова:

ПОРТ АЛЕКСАНДРОВСК
Июля 30 дня 1890 года
№ 5267.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие от начальника острога Сахалина лекарю Антону Павловичу Чехову, что ему, г. Чехову, разрешается собирание разных статистических сведений и материалов, необходимых для литературной работы об устройстве на Сахалине каторги и поселений. Начальникам округов предлагаю оказывать г. Чехову для означенной цели при посещении им тюрем и поселений законного содействия, а в случае необходимости предоставить г. Чехову возможность делать разные извлечения из официальных документов. В чем подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

Начальник острога генерал-майор *Кононович.*

(Подлинник удостоверения хранится в Музее).

Собрание В. Г. Белинского

13 октября Чехов отплыл с Сахалина. На обратном пути он был на острове Цейлоне и в Индии. Из путешествия привез 10.000 статистических карточек и множество всяких материалов, в том числе и ту коллекцию фотографий Сахалина и каторги, которая находится в Музее.

Поездка помогла ему создать—„Остров Сахалин“ *)—превосходное исследование о русской каторге; впечатление порта Дуэ (на о. Сахалине) отражено в одной из глав рассказа „Убийство“, а Индийский океан изображен в „Гусеве“.

---

*) Черновая рукопись „Острова Сахалина“ хранится в Музее имени Чехова в Москве, статистические карточки с переписи Сахалинского населения—в литературных комнатах Московского Румянцевского музея (см. Приложение).

СОУНБ им. В. Г. Белинского

III.

МЕЛИХОВО.

(1892—1898 г.г.).

Снова в Москве. По возвращении с Сахалина А. П. Чехов поселился вновь в Москве (на Малой Дмитровке, в доме Фирганг. под № 26, в маленьком двухэтажном флигеле; см. снимок дома в Музее) и начал усиленно работать над приведением в порядок вывезенных из поездки материалов. 19 марта 1891 года Антон Павлович вместе с А. С. Сувориным выехал за границу: в Вену, а оттуда в Венецию Особенно сильное впечатление произвела на Чехова Венеция. „Хочется здесь на веки остаться"—писал он о ней брату Ивану Павловичу. (Две картины в Музее, изображающие виды Венеции, были куплены Чеховым в память тех дней, что он провел в этом городе).

Побывав в Монте-Карло, где с увлечением играл,— и неудачно!—в рулетку (в Музее, среди материалов личного архива А. П., хранится билет на имя Чехова, выданный для входа в Казино—игорный дом в Монте-Карло),—и в Париже, впечатление которого было испорчено проливным дождем, Антон Павлович в конце апреля вернулся в Москву.

Лето Чехов провел на даче в Калужской губернии, в имении некоего Былим-Колосовского—Богимово, в двенадцати верстах от Алексина. Вековой парк, старинная Екатериновских времен барская усадьба, огромный дом, речка с мельницей, впечатление поэтической запу-

щенности, все чрезвычайно нравилось Антону Павловичу. Богимово и его обитатели описаны в одном из самых очаровательных рассказов Чехова „Дом с мезонином“. В Богимове же писался и „Остров Сахалин“, и повесть „Дуэль“.

Зима 1892 года прошла для Антона Павловича в кипучей деятельности по борьбе с голодом, охватившим ряд губерний России. Особенно тяжело было положение крестьян Воронежской и Нижегородской губерний. Антон Павлович побывал на местах, пораженных бедствием, организовал покупку лошадей для крестьянских хозяйств, собирал пожертвования и участвовал в сборниках, издававшихся в пользу голодающих.

Покупка имения. А весной исполнилась давняя мечта Чехова: он приобрел небольшое имение: „Мелихово“ Московской губернии, Серпуховского уезда, станция Лопасня, Моск.-Курской жел. дор. в 60 верстах от Москвы.

Он с увлечением отдался хлопотам по покупке. В ряде писем к знакомым он сообщает подробности об имении.

„Третьего дня — пишет он — я был в имении, которое покупаю. Впечатление ничего себе. Дорога от станции до имения все время идет лесом. Само имение симпатично. Дом новый, крепкий, с затеями. Мой кабинет прекрасно освещен сплошными итальянскими окнами и просторнее московского. Но в общем будет тесно. Амбары и пр. постройки новы. Сад и парк хороши. Инвентарь если не считать рояля, никуда не годен. Парники хороши. Оранжерей нет“.

„Славу богу, за квартиру и за дрова уже не платить. Лесу у меня 160 десятин и дров хватит“. (Письма Чехова, том IV, А. С. Суворину 28 февраля 1892 г. Москва).

— „213 десятин на двух участках. Черезполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает собою кустарник. Называют его оглобельным, по-моему же к нему более подходит название розговой, — так как из него пока можно изготовлять только розги“.

— „Фруктовый сад. Парк. Большие деревья, длинные липовые аллеи. Сараи и амбары недавно построены, имеют довольно приличный вид. Курятник сделан по последним выводам науки. Колодец с железным насосом... Вся усадьба загорожена от мира деревянною оградою на манер палисадника. Двор, сад, парк и гумно так же отделены друг от друга оградами. Дом и хорош и плох. Он просторнее московской квартиры, светел, тепел, крыт железом, стоит на хорошем месте, имеет террасу в сад, итальянское окно и проч., но плох он тем, что недостаточно высок, недостаточно молод, имеет снаружи весьма глупый и наивный вид, а внутри преисбыточествует клопами и тараканами, которых можно вывести только одним способом – пожаром; все же остальное не берет их".

— „Есть парники. В саду, в 15 шагах от дому пруд (15 саж. длины и 5 ширины) с карасями и линями, так что рыбу можно ловить из окна. За двором другой пруд, которого я еще не видел. В другом участке есть речка, вероятно, скверная. В трех верстах река широкая, рыбная. Посеяно 14 десятин ржи Будем сеять овес и клевер. Клевер уже купили по 10 руб. за пуд, а на овес денег нет".

— „Имение куплено за 13 тысяч. Купчия стоила около 750 руб. Итого 14 тысяч. (Письма Чехова. Том IV, А. С. Киселеву, 7 марта 1892 г. Мелихово).

О переезде в Мелихово Мих. Пав. Чехов в своей книге „Антон Чехов и его сюжеты" пишет: „Чеховы переехали в Мелихово зимою, когда все было под снегом и когда, за неясностью границ, нельзя было разобрать, где свое и где чужое... началась трудовая созидательная жизнь. Все, что было дурного в усадьбе, что не нравилось, тотчас же изменялось или уничтожалось. Весь дом был переделан заново. В самой большой комнате со сплошными стеклами устроили кабинет для Антона Павловича; затем шли: гостиная, комната для сестры, спальня Антона Павловича, комната отца, столовая и комната матери Евгении Яковлевны.

Была еще комната, проходная, с портретом Пушкина, которая носила громкое название „пушкинской“ и предназначалась для случайных гостей... Семья Антона Павловича в это время состояла из его самого, отца и матери, сестры и младщего брата Михаила. Эти было постоянные обитатели Мелихова.

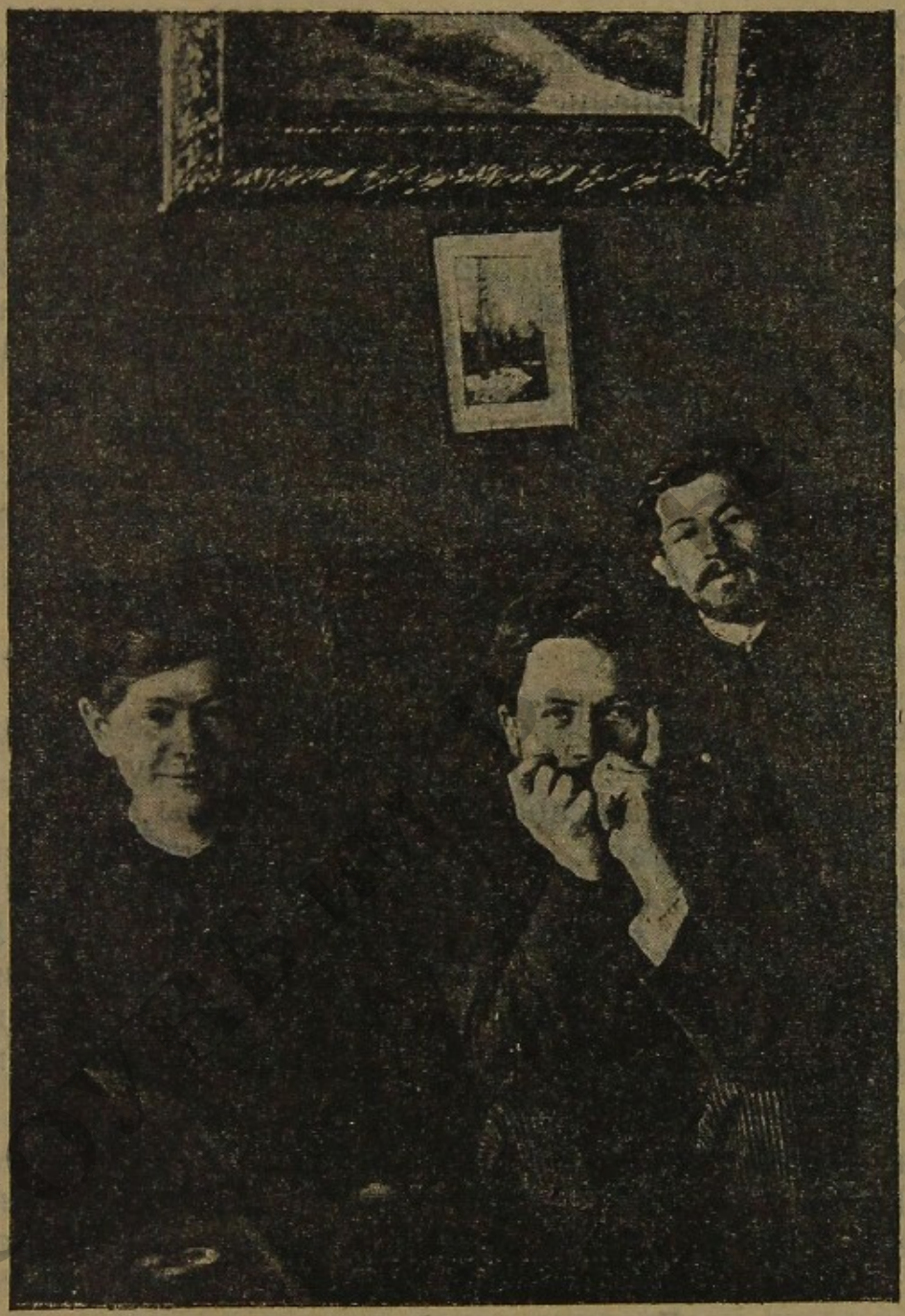
Едва только сошел снег, как роли в хозяйстве были распределены. Сестра принялась за огород и сад, брат Михаил за полевое хозяйство, сам Антон Павлович за посадку деревьев и уход за ними. Отец, Павел Егорович, с утра и до вечера расчищал в саду дорожки и проводил новые.

„Как только узнали, что он врач, к нему стали стекаться больные за 20 — 25 верст. С самого раннего утра перед его домом уже стояли бабы с детьми и ждали от него медицинской помощи. Он выходил, выслушивал, выстукивал, никого не отпускал без совета и без лекарства. Его постоянной помощницей — „ассистентом“ была сестра Мария Павловна“.

Чтобы закончить описание Мелихова и деревенского быта Чеховых приведем еще отрывок из воспоминаний М. О. Меньшикова. Он говорит, что ему случилось быть два или три раза, по приглашению Чехова, в его деревне. „Это была старая мелкоместная усадебка, запущенная и разрозненная, но Чехов быстро привел ее в приличный, даже элегантный вид. Через широкий пустырь, обсаженный вековыми березами, дорога шла в старинную рощу, в глубине которой ютился низенький деревянный дом с верандой и цветником. По дороге на высоких деревьях висели скворешни с надписью: „Братья Скворцовы“.

„Летом 1895 года в Мелихове я застал отца и мать Чехова и его сестру. Прямо удивительно, до чего эта была милая, симпатичная семья. Отец Чехова, был высокий, сильный старик, лет под семьдесят, чинный и строгий. Он хорошо знал хозяйство и управление, но имением заведывала менее строгая, идеально-добрая Мария Павловна, тогда еще молодая девушка, учительница гимназии. Отец методически вел журнал погоды, читал

В Мелихове.



Мария Павловна, Антон и Иван Павловичи Чеховы.

„Записки Болотова“ и четьи-минеи, и отдыхал от трудовой жизни. Но самым трогательным и восхитительным членом семьи была мать А. П. — Евгения Яковлевна, исключительно редкая женщина не менее замечательная, чем он сам. Он и физически был похож на нее. Какое это было редкое соединение сердечности, простоты, прирожденного ума и нежности. Нечего и говорить, что „Антоша“ в семье было идолом, все желания его были предупреждаемы. Мать и сестра, сестра и мать, как два ангела тихо веяли около дорогого им человека, оберегая его сон и стол, и всяческий комфорт. Лучшая комната в доме, простая и светлая был рабочий кабинет. Рядом с ним шла увешенная эскизами собственной работы комната Марии Павловны. Небольшая „пушкинская“ комната с портретом Пушкина служила библиотекой. Для гостей Чехов построил в саду особый флигель со всеми удобствами“.

Мелихово богато представлено в Музее имени Чехова: ряд фотографий изображает усадьбу, дом, флигель, в котором написана „Чайка“, службы.

Картина Левитана, поэтически передающая один из пейзажей Мелихова, набросок М. П. Чеховой, изображающий уголок пруда; многочисленные снимки Антона Павловича, относящиеся к годам 1892 — 1897, его братьев и знакомых, посещавших Мелихово, его соседей и товарищей по работе в земстве,— вот тот иллюстрационный материал, которым располагает Музей.

На особую ценность представляет дневник отца Чехова — Павла Егоровича, в котором изо дня в день заносились все события домашней жизни Чехова. Начиная от записи погоды, кончая сообщениями о состоянии здоровья всех родных, — Дневник дает полное представление о житье - бытье всей семьи. Характерно, что старик ни словом не упоминает о литературной деятельности Антона Павловича—зато в мельчайших подробностях записано

то, что сказал и что сделал, куда поехал и откуда приехал „Антоша“,—столь же подробно записаны все приезды и отъезды многочисленных и частых гостей Чехова.

Общественная работа Чехова.

Мелиховский период один из самых значительных и важных в биографии Чехова. Годы, которые он провел в Мелихове, были наиболее плодотворными годами в его писательской жизни. Зрелый талант его здесь, в Мелихове, переживал самую цветущую пору своего развития. В Мелихове написаны „Моя жизнь“, „Три года“, „Чайка“, „Черный монах“, „Мужики“, и еще целый ряд рассказов.

В биографии Чехова мелиховский период играет огромное значение и для характеристики общественной деятельности Антона Павловича. Уже упоминалось, что как врач, он никогда не отказывал в совете и помощи никому из обращавшихся к нему крестьян. Но Чехов счел своим долгом выступить в качестве врача и на общественной службе: в 1892 году на Московскую губернию надвигалась холера. Серпуховское земство приняло меры для борьбы с эпидемией, открыв санитарные участки и пополнив штат врачей. Состоял санитарным врачом и Чехов, при чем все писавшие до сих пор биографы и мемуаристы указывали, что Чехов на эту должность был назначен. На самом деле эту должность Чехов принял добровольно, сам предложив свои услуги. Об этом свидетельствует документ хранящийся в Музее имени Чехова: благодарность председателя земской управы Чехову за желание притти на помощь в деле борьбы с эпидемией. Холеры, однако, в Серпуховском уезде не было, но все лето Чехов лечил окрестное население и принял не менее тысячи больных. Деятельное участие принимал А. П. и в первой переписи „населения Российской империи“, состоявшейся в 1896 г. Чехов был заведующим целым счетным участком, имея в своем распоряжении 16 счетчиков и лично переписав несколько сел и деревень. (В Музее хранится свидетельство, выданное Чехову „главной переписной комиссией“).

Так же, как врачебная, обширной была и просветительная деятельность Чехова в Мелихове. Антона Павловича не оставляли заботы о народном образовании. Он затеял постройку школ. Первую школу он построил в с. Талеже, вторую — в Новоселках, третью в Мелихове *). „Он строил эти школы с увлечением. Он сам составлял для них планы, сам покупал для них материал и сам следил за их постройкой. Постройкой школ не ограничивалась еще просветительная деятельность: в качестве члена училищного совета он присутствовал на экзаменах в других земских школах и производил экзамены сам". (М. П. Чехов „А. Чехов и его сюжеты").

В архиве Чеховского Музея в Москве имеется извещение Серпуховского уездного предводителя дворянства Рюмина об утверждении А. П. губернским училищным советом помощником Рюмина по наблюдению за начальными народными училищами.

Труды Антона Павловича по народному просвещению выразились даже в „пожаловании" ему ордена Станислава III степени, о чем, кстати сказать, ни словом не упоминается ни в переписке Чехова, ни в воспоминаниях о нем.

(В Музее—фотография школы в Мелихове, выстроенной А. П. Чеховым, и грамота о пожаловании ему ордена).

Школы, которые выстроил Чехов считались образцовыми. И не раз получал он благодарности от земства. В Музее хранится, например, такая бумага за подписью председателя Серпуховской Уездной Управы:

---

*) Снимки этих школ—см. в Музее.

Собрание им. Б.Г. Великого

М. В. Д.

Председатель Серпуховской Уездной Земской Управы.

Декабря 28 дня 1896 г.
№ 3173.

Милостивый Государь,

Антон Павлович!

Серпуховское уездное земское собрание очередной сессии в заседании 29 октября с. г., выслушав доклад управы о продолжающемся просвещенном участии Вашем в деле народного просвещения, которое вы проявили при постройке прекрасного здания для Талежского училища, обязанного как своим основанием, так и благополучным окончанием преимущественно неусыпным заботам Вашим, постановило высказать Вам глубокую благодарность собрания за такое теплое отношение к делу народного образования в уезде.

О таком постановлении собрания я и считаю своим приятным для себя долгом довести до Вашего, Милостивый Государь, сведения.

Готовый к услугам вашим

В. Чельцов.

Постановка „Чайки“. В хронике событий мелиховского периода жизни Антона Павловича следует отметить историю постановки „Чайки“ на сцене Александринского театра в Петербурге в 1896 г. Пьеса провалилась. Антон Павлович пережил много горьких и тяжелых минут. В Музее есть несколько документов, имеющих отношение к постановке „Чайки“. Так, сохранились повестки, вызывающие Чехова на репетиции „Чайки“; по этим повесткам можно установить, что „Чайка“ пошла после одной считки, 4-х простых и одной генеральной репетиций, да в день первого представления состоялась еще одна, так называемая — корректурная репетиция.

„Все что можно сделать в неимоверно короткий срок, для такой тонкой пьесы полутонов, как „Чайка“— все было сделано“, утверждает Е. П. Карпов, режиссер, ставивший „Чайку“.

Генеральная репетиция прошла гладко, но вяловато. Чувствовалось, что у актеров опустились нервы, не было настроения.

Антону Павловичу понравились декорации, обстановка, гримы, но он больше, чем кто-нибудь, чувствовал, что пьеса идет без подъема, без настроения...

Это и повело к тому, что пьеса провалилась. Ни актеры, ни тем более публика не оказались подготовленными для такой совершенно новой по форме и приемам письма вещи, как „Чайка“. А. С. Суворин, очевидец этого спектакля, рассказывал, что когда А. П. после первых двух актов „Чайки“ увидел, что пьеса не имеет успеха, он бежал из театра и бродил по Петербургу, неизвестно где. Сестра его и все знакомые не знали, что подумать, и посылали всюду, где предполагали его найти. Он вернулся в третьем часу ночи. „И когда я вошел к нему в комнату, пишет А. С. Суворин,— он сказал мне строгим голосом: „Назовите меня последним словом (он произнес это слово), если когда нибудь я еще напишу пьесу“. На другой день он уехал в Москву ранним утром с каким-то пассажирским или товарны поездом. Потом он оправдывался, говоря, что он подумал, что это был неуспех его личности, а не пьесы и называл некоторых известных петербургских литераторов, которые якобы высокомерно заговорили с ним в антракте, видя, что его пьеса падает“.

Болезнь. В марте 1897 года Антон Павлович опасно заболел: у него открылся легочный процесс. Кровохаркание бывало у него и раньше. Еще в молодости, бывая на заседаниях суда по делу скопинского банка, он впервые почувствовал, что у него явления туберкулеза, но особенного значения этому не придавал, хотя и знал отлично, будучи врачем, насколько важно захватить болезнь в самом начале. Он не лечился, а процесс развивался

почти незаметно, но неуклонно. Поездка по Сибири на лошадях, при чем приходилось днем и ночью мокнуть под дождем и простужаться — несомненно ускорила течение болезни. В Мелихове он начал кашлять, и не раз брат Михаил замечал, что его платок густо окрашивался кровью. В марте 1897 года в Москве, во время обеда в ресторане, у А. П. хлынула из горла кровь и врачи уложили его на несколько недель в клинику. Ослабевший и уже с ясно обозначившимся процессом бугорчатки вернулся А. П. в Мелихово. Но доктора посылали его на юг. Прожив 10 месяцев за границей, главным образом в Ницце *), А. П. по возвращению в Россию стал подумывать о переселении в Крым. Он съездил в Ялту и решил приобрести в ее окрестностях клочек земли и построить себе постоянное жилье.

Продажи Мелихова. В октябре 1892 г., когда А. П. жил в Ялте, погруженный в хлопоты по постройке дома, в Мелихове умер его отец—Павел Георгиевич.

„Это событие перевернуло всю нашу жизнь“, писал А. П.—теперь придется, пожалуй, устраивать жизнь по новому, так как мать едва ли захочет жить одна в деревне, зимой, когда жить вообще трудно. Жду к себе в Ялту сестру, и вместе мы решим, как нам быть“.

После смерти отца в Мелихове, где все было связано с воспоминанием о нем, уже не хотели жить ни сам Чехов, ни его семейные.

И для него, и для них там „все как-то потускнело и потухло“. „И в беллетристическом отношении после „Мужиков“, Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену“—писал Чехов.

„Выведенный в „Мужиках“ староста“,—говорит Мих. П. Чехов,—мелиховский староста Григорий. В трех верстах от Мелихова была деревня Угрюмово, куда брат часто ездил по медицинским и училищным делам. Оно

---

*) В Музее—несколько портретов Чехова, относящихся к этому времени. В Ницце закончил портрет Чехова и художник Браз, начавший писать Чехова в Мелихове. В Музее—копия этого портрета.

лежит в овраге, и, кажется, послужило темой для повести „В овраге“*).

В письме к сестре Марии Павловне Антон Павлович говорит: „Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове уж не то житье, точно с дневником его прекратилось и течение Мелиховской жизни“. (Письма Чехова, том 5-й, М. П. Чеховой, 12 октября 1898 года).

Чехов не ошибся—едва закрылась последняя страница дневника, написанная рукою Павла Егоровича, начала замирать и жизнь в Мелихове. Чеховы стали поговаривать о продаже имения и о переселении на юг в Ялту, где приходила к концу постройка нового дома.

Наконец, вопрос о ликвидации мелиховской усадьбы был решен, и в московских газетах появилось следующее объявление о продаже Мелихова (объявление—вырезка из газеты „Курьер“—сохранилось в бумагах Антона Павловича и находится сейчас в Чеховском музее в Москве).

„За отъездом на юг спешно продается имение в 70 вер. от Москвы по Моск.-Каз. жел. дороге в 12 вер, от ст. Лопасня. Земли 215 д., в том числе 155 д. дровяного леса. Дом в 8 комнат с полной обстановкой, есть и рояль, флигель 3 ком. Кухня, людская, баня, конюшня, сараи и другие службы—все новое. Фруктовый сад, пруд, лошади, экипажи, сбруя, рогатый скот. Долгу земельному банку осталось 5 т., доплатить 25 т. Справка у В. А. Гиляровского, Столешников пер., дом Тихонова, или в конторе газеты „Курьер“. (Сбоку на вырезке рукой А. П. Чехова приписка: „А также на Малой Дмитровке, дом Шишкова квартира 14 от 9 до 12 и от 5—6 вечера).

В 1899 году Мелихово было продано. Оно было приобретено бароном Стюарт, владевшим им вплоть до

*) Мелиховские впечатления отражены и в „Новой даче“, и „На подводе“, и в той главе повести „Моя жизнь“, в которой описывается освящение только что выстроенной деревенской школы.

Собрание В. Г. Бонч-Бруевича

октябрьской революции 1917-го года. Новые владельцы бережно относились к памяти Чехова. В 1914 году Ю. Соболев застал мелиховскую усадьбу почти в том же виде, в каком она была и при Чехове (см. его книгу „Антон Чехов“ — неизданные страницы. Изд. „Северные дни“. М. 916).

Примечательно, что крестьяне попрежнему чтут память Антона Павловича; они ведут теперь переговоры о передаче усадьбы в ведение музейного отдела Наркомпроса для организации в доме Чехова музея, относящегося к мелиховскому периоду биографии писателя.

Поездка в Мелихово (станция Лопасня, Моск.-Кур. жел. дор.) может составить небольшую литературную экскурсию: осмотр усадьбы, прогулка по окрестностям и беседа со многими жителями села, отлично помнящими А. П., даст превосходный материал для установления многих подробностей как в истории жизни, так и в истории творчества Чехова.

СОУНБ им. Е.Т. Белинского

IV.

ЯЛТА.

(1898 — 1904 г. г.)

В Ялте. Ялтинский период жизни А. П. Чехова в истории его творчества отмечен следующими произведениями: „Душенька“, „Дама с собачкой“, „В овраге“, „Три сестры“, „Архиерей“, „Невеста“, „Вишневый сад“. Но, годы столь продуктивные в писательском отношении, в личной жизни Чехова были годами неустанной борьбы с развивающейся болезнью. Ведь и переселился Чехов в Крым только потому, что климат севера был вреден для его легких. Ему было тягостно жить среди этой, как он говорил, „искусственной“ природы, в этом городе „парикмахеров“, дачников и туристов; его тянуло к милым березкам, к тем мелиховским пейзажам, которые ему были так близки и дороги. Свою жизнь, в сущности подневольную, на берегу моря, он любил сравнивать с жизнью каторжника на „Чертовом острове“. И в годы ялтинского заточения еще острее вспыхивала в нем давняя любовь к Москве. Веяния этого города, которому, как писал Чехов в повести „Три года“, „предстоит еще много страдать“, отражены в целом ряде его произведений, начиная с ранних очерков, печатавшихся в „Осколках“ и „Будильнике“, и кончая такими вещами, как „Три года“ „Бабы“, „Дама с собачкой“ и пьеса „Три сестры“, в которой никто из действующих лиц не живет в самой Москве, но в которой все о Москве тоскуют. Чехов словно о самом себе сказал о двух москвичах, которые были убеждены, „что Москва замечательный город. В Крыму, на Кавказе, за

границей им было скучно, неуютно, неудобно, и свою серенькую московскую погоду они находили самой приятной и здоровой. Дни, когда в окна стучит холодный дождь и рано наступают сумерки, стены домов и церквей принимают бурый и печальный цвет, и когда, выходя на улицу, не знаешь, что надеть,—такие дни приятно возбуждали их".

Хороший знакомый Чехова, литератор и врач С. Я. Елпатьевский, написавший интересные воспоминания об А. П., относящиеся как раз к ялтинскому периоду его жизни, рассказывает, что Чехов, томясь по Москве, уверял, „что именно московский воздух в особенности хорош и живителен для его туберкулезных легких и, притягивая науку в доказательство, говорил, что врачам не следует быть рутинерами и упираться в стену... Все было мило для него в Москве,— и люди, и улицы, и звон разных Никол Мокрых и на Щепах, и классический московский извозчик, и вся московская безтолочь. Отдышится он от Москвы и от московского плеврита, проживет в Ялте два-три месяца,— и снова разговоры все о Москве. И все три сестры, повторяющие на разные лады: „в Москву, в Москву", это все он же, один Антон Павлович, думавший вечно о Москве и постоянно стремившийся в Москву, где постоянно получал он плевриты и обострения процесса, и которая, имею основание думать, укоротила ему жизнь".

И, разумеется, эти уверения о живительности московского климата не помогли: доктора продолжали держать А. П. в Ялте. Да и сам Чехов, как врач, отлично понимал, что ему действительно нужно жить на юге. А в натуре Чехова была одна глубокопримечательная черта: придя к какому-нибудь решению, он уже никогда от него не отступал. Убедившись в необходимости оторваться от Москвы, Чехов заставил себя так же деятельно и энергично, как некогда в Мелихове, устраивать свою жизнь в Ялте. И так же, как была превращена в уютный уголок запущенная мелиховская усадьба точно также был обращен в цветущий сад тот голый

каменистый участок земли, на котором выстроил свой дом А. П. в Аутке. Но чтобы иметь возможность выстроить самый скромный домик, Чехов вынужден был тотчас же по заключении купчей заложить свое новое владение и только тогда стал думать об его устройстве.

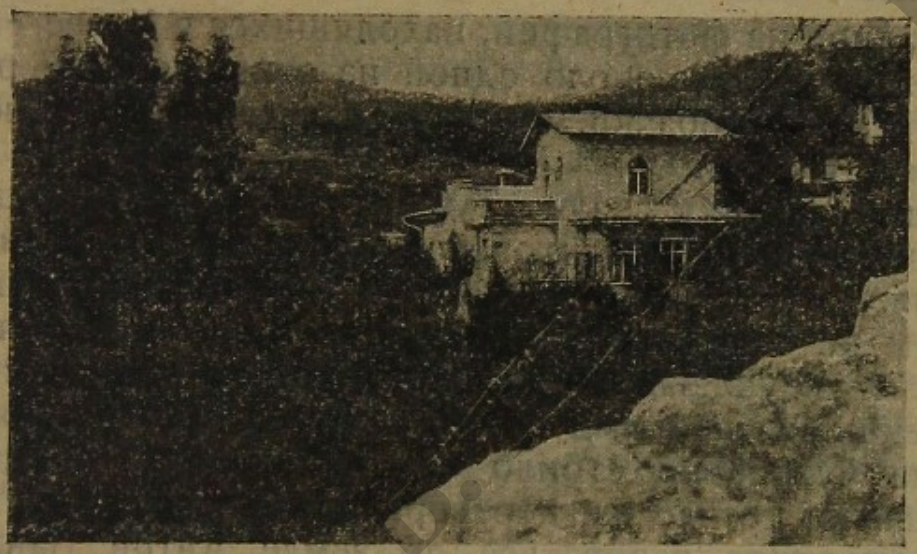
Сестра Чехова, Мария Павловна, вызванная им из Москвы, при виде покупки брата, была разочарована до слез. В ее представлении с этим диким местом никак не вязались будущий благоустроенный садик и уютная дача. Было голо, круто и ветрено. Дорога к даче вела по шоссе, восемь месяцев в году утопающему в облаках пыли. Только не желая огорчать брата, она постаралась не выказывать своего грустного впечатления. Как художница, она набросала приблизительный план будущего сада и дома, а сама вскоре вернулась в Москву. Чехов принялся за устройство своего гнезда. Проект дачи разросся,—она превратилась в двухъэтажный белый дом с несколькими балконами, всеми удобствами, даже паркетными полами. Чехов сам придумывал расположение комнат. Татары прозвали домик „Белой дачей".

Весной 1899 года постройка настолько подвинулась вперед, что Чехов мог выписать из Москвы мать и сестру в далеко еще не оконченный дом.

Дача Чехова в Ялте, в которой в гостях у А. П. бывало много его друзей, не раз описывалась Буниным, Куприным, Федоровым. Вот несколько отрывков из воспоминаний Куприна, посвященных чеховской даче. (Ее фотографии см. в Музее).

„Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом, глубоко под белой и пыльной аутской дорогой. Не знаю, кто ее строил, но она была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Вся белая, чистая, легкая, красиво нессимметричная, построенная вне какого-нибудь определенного архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой вверху, с разбросанными — то широкими, то узкими окнами, — она

походила бы на здания в стиле, если бы в ее плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус. Дача стояла в углу сада, окруженная цветником. К саду, со стороны противоположной шоссе, примыкало, отделенное низкой стенкой, старое заброшенное татарское кладбище, всегда зеленое, тихое, и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилах.



Дача А. П. Чехова в Ялте.

Цветничек был маленький, далеко не пышный, а фруктовый сад еще очень молодой. Росли в нем груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. В последние годы сад уже начал приносить кое-какие плоды, доставляя Антону Павловичу много забот и трогательного, какого-то детского удовольствия. Когда наступало время сбора миндальных орехов, то их снимали и в чеховском саду. Лежали они обыкновенно маленькой горкой в гостинной на подоконнике, и, кажется, ни у кого не хватило жестокости брать их, хотя их и предлагали.

А. П. не любил и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишком мало защищена от пыли,

летящей сверху, с аутского шоссе, и что сад плохо снабжен водою. Не любя вообще Крыма, а в особенности Ялты, он с особенной, ревнивой любовью относился к своему саду. Многие видели, как он иногда по утрам, сидя на корточках, заботливо обмазывал серой стволы роз, или выдергивал сорные травы из клумб. А какое бывало торжество, когда среди летней засухи, наконец, шел дождь, наполнявший водою запасные глиняные цистерны".

На одной из фотографий, находящихся в Музее, Чехов изображен как раз около одной из этих цистерн: рядом с ним его две собачки, о которых писал в своих воспоминаниях Куприн:

„Одну собачку звали „Тузик", а другую—„Каштан", в честь прежней мелиховской „Каштанки", носившей это имя. Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался. По внешнему виду он был толст, гладок и неуклюж, светло-шоколадного цвета, с бессмысленными желтыми глазами. Вслед за Тузиком он лаял на чужих, но стоило его поманить и почмокать ему, как он тотчас же переворачивался на спину и начинал угодливо извиваться по земле. Антон Павлович легонько отстранял его палкой, когда он лез с нежностями, и говорил с притворной суровостью.

— Уйди, уйди, дурак... Не приставай.

И прибавлял, обращаясь к собеседнику, с досадой, но со смеющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не поверите, до чего он глуп".

„Кабинет в ялтинском доме у А. П. был небольшой, шагов 12 в длину и 6 в ширину, скромный, но дышавший какой-то своеобразной прелестью. Прямо против входной двери—большое квадратное окно в раме из цветных желтых стекол. С левой стороны от входа, около окна, перпендикулярно к нему—писменный стол, а за ним маленькая ниша, освещенная сверху, из-под потолка, крошечным оконцем; в нише-турецкий диван. С правой стороны, посредине стены—коричневый камель-

ный камин; наверху в его облицовке, оставлено небольшое незаделанное плиткой, местечко, и в нем небрежно, но мило написано красками вечернее поле с уходящими вдаль стогами—это работа Левитана. Дальше, по той же стороне, с самом углу—дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича,—светлая, веселая комната, сияющая какой-то девической чистотой, белизной и невинностью. Стены кабинета—в темных с золотом обоях, около песьменного стола висит печатный плакат „просят не курить". Сейчас же возле входной двери, направо—шкаф с книгами. На камине несколько безделушек и между ними прекрасно сделанная модель парусной шкуны. Много хорошеньких вещиц из кости и из дерева на письменном столе; почему-то преобладают фигуры слонов. На стенах портреты—Толстого, Григоровича, Тургенева. На отдельном маленьком столике, на веерообразной подставке, множество фотографий артистов и писателей. По обоим бокам окна спускаются прямые, тяжелые, темные занавески, на полу большой, восточного рисунка ковер; эта драпировка смягчает все контуры и еще больше темнит кабинет, но благодаря ей, ровнее и приятнее ложится свет из окна на письменный стол. Пахнет тонкими духами, до которых А. П. всегда был охотник Из окна видна открытая подковообразная лощина, спускающаяся далеко к морю, и самое море, окруженное амфитеатром домов. Слева же, справа и сзади громоздятся полукольцом горы. По вечерам, когда в гористых окрестностях Ялты зажигаются огни, и когда во мраке эти огни и звезды над ними так близко сливаются, то не отличаешь их друг от друг,—тогда вся окружающая местность очень напоминает иные уголки Тифлиса*)..." (После смерти Чехова его дом в Ялте и вся обстановка сохранены в том же виде, в каком были при его жизни. Дом превращен в музей, доступный всем для его осмотра. Его хранительницей является Мария Павловна Чехова).

---

*) Снимки кабинета см. в Музее.

Чехов и его современник. Как только обосновался Антон Павлович в Ялте, сейчас же пришлось ему приняться и за общественную работу, к которой, вопреки распространенному о нем мнению, он никогда не был равнодушен. Напротив: полный деятельности, чутко отзывавшийся на все явления окружающей его жизни, в частности, глубоко преданный идеям народного образования, Чехов не мог быть равнодушным зрителем, спокойным созерцателем действительности. И мы видели, как этот писатель, который, будто бы только и делал, что в сумерках писал о хмурых людях, как он в Мелихове, не покладая рук трудился: то организуя, открывая и поддерживая сельские школы, то участвуя в работах земства, то платя свою дань медицине—леча окрестное население и борясь с надвигавшейся холерной эпидемией. В Ялте он был попечителем и гимназии, и школы; состоял очень деятельным членом попечительства о неимущих больных и вероятно помог и советом, и денежной поддержкой не одному десятку нуждающихся. И не даром, вспоминая о нем, приводил М. Горький его слова, что если бы было у него много денег,— он устроил бы в Ялте санаторий для больных сельских учителей.

Чуткая отзывчивость Чехова на явления общественной жизни особенно ярко запечатлена в его известном выступлении в связи с исключением из Академии Наук М. Горького. М. Горький был избран в почетные академики, но так как его избрание показалось царю неудобным, то академики, сославшись на имевшееся в производстве у жандармов политическое дело о Горьком, исключили его из Академии. Это был вопиющий произвол. Но из товарищей Горького по Академии только у двоих нашлось достаточно мужества, чтобы открыто заявить о своем протесте. Это были В. Г. Короленко и А. П. Чехов. Оба, как только стало им известно, что Горький исключен из Академии, тотчас же подали заявления о выходе из академиков. В Музее хранится заявление А. П. Чехова, адресованное великому князю Константину Рома-

нову,—президенту Академии. Вот текст этого замечательного документа, чрезвычайно ярко рисующего благородную личность писателя:

„Ваше императорское высочество"!

В декабре прошлого года я получил известие об избрании А. М. Пешкова *) в почетные академики; и я не замедлил повидаться с А. М. Пешковым, который тогда находился в Крыму, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем немного погодя, в газетах было напечатано, что в виду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст., выборы признаются недействительными; при чем было точно указано, что это извещение исходит от Академии Наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение частью исходило и от меня. Я же поздравлял сердечно и я же признавал выборы недействительными—такое противоречие не укладывалося в моем сознании, примирить с ним мою совесть я не мог. Знакомство мое с 1035 ст. ничего не объясняло мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить В. И. В. о сложении с меня звания почетного академика.

Уже упоминалось, что ялтинский период писательской жизни Чехова период очень плодотворый. Тут кстати будет заметить, что как раз к этим годам относится сотрудничество Чехова в передовых органах русской периодической печати: он пишет в „Русских Ведомостях", „Русской Мысли" (в Музее см. фотографию, изображающую редакцию „Русской Мысли" с Чеховым) и только что возникших тогда журналах „Жизнь" и „Журнале для всех".

*) Максим Горький, как известно, псевдоним Алексея Максимовича Пешкова.

Лев Толстой и Чехов.

В эти годы Чехов сближается с М. Горьким, продолжает дружеские отношения с Буниным, Елпатьевским, драматургом С. А. Найденовым, поэтом Федоровым, беллетристом Лазаревским, редактором „Журнала для всех" В. А. Миролюбовым и целым рядом других писателей *). Но особенно знаменательны отношения Чехова со Л. Н. Толстым. П. П. Сергеенко, школьный товарищ А. П. Чехова, много писавший о Л. Н. Толстом, говорит, что он никогда не видел, чтобы Лев Николаевич относился еще когда-нибудь с такой нежной приязнью, как к Чехову. Даже когда Л. Н. Толстой только заговаривал о Чехове, то у него становилось лицо другим — с особенным теплым отсветом. Скупой вообще на внешние знаки нежности и на восторги перед современными явлениями, Лев Николаевич почти всегда в отношении Чехова держал себя, как нежный отец к своему любимому сыну.

Более всего пленялся Л. Н. Толстой в последнее время чеховской формой, которая в первое время его озадачивала, и Л. Н. никак не мог свыкнуться с ней, не мог понять ее механизма. Но затем уяснил себе ее секрет и восхищался:

— Не понимаю, почему его сравнивают с Чеховым. Чехов, по моему, несравнимый художник. И если уж кого напоминает, то Мопассана. Я недавно вновь перечитал почти всего Чехова. И все у него чудесно. Есть места неглубокие, нет, неглубокие. Но все прелестно. И Чехова, как художника, нельзя даже и сравнивать с прежними русскими писателями—с Тургеневым, с Достоевским или со мною. У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадаются ему под руку, и никакого, как будто, отношения эти мазки между собою не имеют. Но отойдешь, посмотришь—и в общем получается удивительное впечатление. Перед вами яркая, неотразимая картина. И вот еще наивернейший признак,

*) Их фотографии см. в Музее.

что Чехов истинный художник; его можно перечитывать несколько раз, кроме пьес, конечно, которые совсем не его дело. Так говорил Толстой.

— Осенью 1901 г., вспомиивает П. П. Сергеенко — мне пришлось быть в Крыму у Толстых, когда ждали Чехова, точно какого-нибудь принца. „Сейчас должен приехать Чехов". Наконец, доложили, что Чехов приехал. Все оживились и обрадовались. И целый день Лев Николаевич провел с Чеховым, как с милым другом, ездил с ним в Алупку, к морю, и с радушным гостеприимством принимал его у себя.

Во время болезни Чехова в Москве *) Л. Н. Толстой посещал его и потом заглазно с заботливостью говорил о Чехове. Но и Чехов платил той же монетою Л. Н. Толстому. Когда Толстой был болен в Крыму, Чехов не только заботливо следил за малейшими изменениями в здоровье великого писателя, но простирал доброту своего сердца до того, что, не взирая на недосуг и свою собственную болезнь, еще подробно извещая о состоянии здоровья Льва Николаевича его знакомых. Письма Чехова в этот период полны забот о состоянии великого писателя **).

Чехов и Художественный театр.

Ялтинские годы отмечены как в личной, так и в писательской биографии Чехова той прочной связью его с Московским Художественным театром, которая возникла с 1898 года, когда только что открывшийся в Москве Художественный Театр поставил 17 декабря его пьесу „Чайка".

„Чайка", как мы знаем, провалилась в Петербурге на Александринской сцене. Этот провал был очень болезненно пережит Чеховым. Он тогда же решил никогда больше не писать и не ставить пьес. И когда возник Художественный театр, его другу Вл. И. Немировичу-Данченко—руководителю театра стоило больших усилий, чтобы убедить Чехова отдать ему „Чайку".

---

*) Чехов тогда лежал в клинике.

**) В Музее—большая фотография: Л. Н. Толстой и А. П. Чехов на террасе дачи Толстого.

„Чайка“ была сыграна и принесла огромный успех. Впервые были угаданы и сценически оформлены те новые театральные течения, которые принес с собою Чехов. Чехов мог, наконец, убедиться в том, что его пьесы должны итти на сцене потому, что создан такой театр, который понял навизну его драматургической формы.

Победа была полная. Театр, который переживал тяжелое время охлаждения публики, вновь завоевал успех. Несомненно был ободрен им и Чехов. Ряд поздравительных телеграмм и тот приветственный адрес от публики, который был покрыт несколькими сотнями подписей (этот адрес хранится в Музее), и, наконец, восторженные рецензии критики дошли до томящегося в Ялте Чехова чрезвычайно обрадовавшей его вестью. С этого момента завязавшиеся отношения с Художественным Театром окрепли. Следующая постановка чеховской пьесы „Дядя Ваня“ принесла такой же успех. Но Чехов жил оторванный болезнью от Москвы и не видел ни одного спектакля молодого театра. Тогда художественники весной 1901 г. сами приехали в Крым и играли в Севастополе и в Ялте. Этот приезд еще более укрепил дружественную связь Чехова с театром. Ей суждено было стать, в буквальном смысле слова, родственной: 25 мая 1901 г., Антон Павлович венчался с артисткой Художественного Театра О. Л. Книппер (см. в Музее фотографию О. Л. Книппер-Чеховой *).

Последняя пьеса Чехова „Вишневый Сад“ была поставлена в Художественном театре 17 января 1904 года. Спектакль совпал со днем именин Чехова, который приехал в Москву из Ялты. Спектакль после 3-го акта превратился в чествование писателя. А. П. Чехов стоял пред публикой, приветствовавшей его восторженно.

Для огромного большинства присутствующих самое появление его в театре было совершенно неожиданностью, здесь его не видели еще ни разу на первых представ-

*) В Музее—много фотографий артистов Худ. театра; есть снимки и некоторых постановок: „Чайки“, „Дяди Вани“, „Вишн. сада“.

О. Л. Книппер-Чехова и А. П. Чехов.

(С фотографии 1901 г.).

СОЧИНЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

лениях. Сам он в этот вечер так волновался за судьбу пьесы, что не хотел вовсе ехать в театр, и родные чуть ли не насильно, уже после второго акта, увезли его из квартиры. Ему подавали венок за венком, читались телеграммы, произносились речи. Адрес от Общества Любителей Российской Словесности был прочитан проф. Веселовским, от Малого театра его приветствовали Г. Н. Федотова. Поздравлял Литературно-художественный кружок, „Русская Мысль", „Русские Ведомости". Приветствие от Художественного театра произнес Вл. И. Немирович, передав Чехову вместе с В. В. Лужским ларец с портретами всех артистов.

В речи Вл. И. Немировича-Данченко, обращенной к Чехову, говорилось, что Художественный Театр „так обязан таланту, нежному сердцу, чистой душе Антона Павловича, что он по праву может сказать: „это мой театр". „Сегодня,—говорил Немирович-Данченко,—Художественный театр ставит твою четвертую пьесу, но в первый раз переживает огромное счастье видеть тебя в своих стенах на первом представлении. Сегодня же первое представление совпало с днем твоего ангела: народная поговорка говорит: „Антон—прибавление дня". И мы скажем:„ наш Антон прибавляет нам дни, а стало быть, и света, и радостей, и близости чудесной весны".

Это был праздник, но тем, кто знал Чехова близко, он казалсл прощаньем. А. П. стоял слабый, как тень, и вся зала кричала: „Сядьте, сядьте... Пусть Антон Павлович сядет"... Он уступил просьбам и сел в большое кресло.

Баден-Вейлер. Но судьба Чехову дней не прибавила: 1904 год был последним годом его жизни. Уже к летним месяцам здоровье Чехова настолько ухудшилось, что врачи настойчиво потребовали его от'езда в заграничный курорт. Московские врачи послали его в Шварцвальд, в Баден-Вейлер. 3-го июня 1904 г. Антон Павлович в сопровождении жены — Ольги Леонардовны, выехал из Москвы. В Берлине Чехова осматривал знаменитый профессор Эвальд, который обнадежил больного

По приезде в Баден-Вейлер, Чехов первые дни чувствовал себя бодрее, говорил о своих планах, мечтал о путешествии по Италии и хотел вернуться в Ялту через Константинополь. Аппетит и сон были лучше. Но на второй же неделе стали проявляться беспокойство и торопливость, — комната ему не понравилась, хотелось другого места. Вместе с женою он переехал в частный дом и там повторялось то же же самое: несколько спокойных дней, затем снова желание куда-нибудь подальше. Жена нашла прекрасную комнату с балконом, и здесь, сидя на балконе, он любил наблюдать сцены на улице. Русско-японская война продолжала интересовать и волновать Чехова. Жена постоянно переводила ему известия из нескольких немецких газет, и он всем интересовался.

Особенно его занимало непрекращающееся движение у дома почты. „Видишь,—говорил он жене,—что значит культурная страна: все выходят и входят, каждый пишет и получает письма". Выезжал А. П. почти ежедневно с Ольгой Леонардовной кататься в лес; проезжая через деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхал: „Когда же у нас так мужики будут жить".

Смерть. Чехов производил впечатление серьезно больного, но никто не думал, что конец так близок. Д-р Шверер, превосходно относившийся к пациенту, до наступления кризиза в ночь с четверга на пятницу 2 июля думал, что жизнь может еще продлиться несколько месяцев, и даже после ужасного припадка 29 июня состояние сердца еще не внушало больших опасений потому, что после впрыскивания морфия и вдыханий кислорода пульс стал хорош, и больной спокойно заснул.

Только в ночь с 1-го на 2-ое июля, когда после первого камфорного шприца пульс не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись в 1-м часу ночи, Антон Павлович стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах, но затем пришел в себя и с грустной улыбкой сказал жене, которая клала ему на грудь мешок со льдом: „На пустое

сердце льда не кладут". Последними его словами была сказанная по-немецки фраза: „Ich sterbe" (Я умираю).

Умирающий сидел в постели, согнувшись и подпертый подушками, потом вдруг склонился на бок, — и без вздоха, без видимого внешнего знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выражение появилось на сразу помолодевшем лице. Сквозь широко раскрытое окно веяло свежестью и запахом сена, над лесом показалась заря. Кругом ни звука,—маленький курорт спал; врач ушел, в доме стояла мертвая тишина; только пение птиц доносилось в комнату, где, склонившись на бок, отдыхал от трудов замечательный человек и работник, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцелуями.

В виду „особой любезности к вдове знаменитого писателя" хозяин отеля согласился оставить тело в комнате, но на следующую ночь его тайком, через задние коридоры, вынесли в часовню, где он оставался до отхода поезда в Россию.

Памятник. 25 июля (нов. ст.) 1908 г. в Баденвейлере освящен памятник Чехову. Бюст сооружен на средства собранные Московским Художественным Театром. Голова писателя дана в натуральную величину, работал ее известный скульптор Шлейфер. Чехов изображен таким, каким его часто видели в Беденвейлерском парке в последние недели его жизни: в накинутом на плечо плаще, в мягкой, сдвинутой назад шляпе. Большие глаза испытующе глядят вдаль. Не хватает только пенсне, которое Чехов, очень близорукий, носил постоянно. Пьедесталом служит гранитная скала, сделанная мюльгеймским скульптором Швабом.

Торжественный акт открытия и освящения был совершен в присутствии многочисленных русских, живущих в Баденвейлере, и при живом участии всего курорта. На памятнике написано: „А. Чехов, умер в Баденвейлере в 1904 г.

Собственность В. Г. Белинского

Памятник этот разрушен немцами в первый год европейской войны*).

Похороны. Похоронен Чехов в Москве на кладбище в Новодевичьем Монастыре. Его могила рядом с могилой его отца. Похороны Чехова описывались не раз и многими. Но кажется, ярче всего передано впечатление, которое они оставили, в очерке Бор. Зайцева „Смерть Чехова" (в газете „Речь", 4 июля 1914 г.) Вот отрывок, рисующий и внешние подробности похорон, и то настроение, которое переживалось теми, для кого, по словам одного писателя, смерть Антона Павловича была принята, как личное горе,—ощущалась, как утрата самого близкого родного человека.

Вот, что писал Б. Зайцев:

„Я довольно хорошо помню утро, когда мы выехали с Арбата на Николаевский вокзал, встречать гроб Чехова. Тогда не было еще в Москве трамвая. Скромный извозчик, на железных шинах, вез нас через Кремль. Взошло уже солнце. Синеющая дымка, голубой туман слался над Александровским садом, когда медленно выезжали мы от манежа к Троицким воротам. Помню именно в этом подъеме, между белых, итальянских зубцов, слезы стиснули горло.

Но хотелось держаться. Впереди еще прибытие поезда, долгий, для Чехова как бы крестный путь через всю Москву, в Новодивичий монастырь.

На вокзале был народ, молодежь, кое-кто из литераторов, но немного.

Подошел поезд; суетились, переводили взад и вперед товарный вагон с гробом. Толпа стала гуще: ее осаживали назад жандармы,

Наконец на полотенцах вынесли из вагона тяжелый предмет; где то сбоку фотографировали; все были без шляп, среди людей венки и ленты с надписями.

---

*) В Музее особый уголок, посвященный Баденвейлеру: виды курорта, фотографии вилы, в которой жить А. П.; комната отеля, в которой он умер; снимок сделанный с А. П. в гробу; памятник; есть так же снимки похорон Чехова и его могилы в Ново-Девичьем монастыре.

Потом беспорядочное движение через вокзал, теснота, и, наконец, площадь, открытое небо. Гроб взяли на руки студенты, и процессия двинулась. Шли, по очереди подставляя плечи под тяжелый край гроба. Как другие, подставлял и я. Снова надо было крепиться изо всех сил. Минута торжественная. Как рассказать о том, что чувствуешь, шагая на ципочках (студенты были выше меня) в толпе, без шляпы, под открытым небом, поддерживая прах того, кого в своей молодой еще жизни считал любимым и прекраснейшим писателем.

Могила А.. П Чехова на кладбище Новодевичьего монастыря.

Я наверно знаю одно: в тот день над Москвою было необыкновенно высокое, светло-облачное и покойное небо. В него хорошо было глядеть и шагать под заупокойное пение, под шорох, топот толпы.

На углу Мясницкой и бульвара я запомнил Горького. Кажется, он один и был из писателей на этих похоронах. Впрочем из чисто-московских людей присутствовал еще покойный Гольцев.

С Лубянской площади я уехал домой, на час, полтора. Потом был в Девичьем монастыре. Слушал обедню, стоял в густой толпе у могилы и слышал речи, гово-

рившиеся над ней. Это было слабо и ненужно. Хорош был дождичек покропивший нас; хороши белые главы Девичьего монастыря. Хорошо пахли мокрые деревья. А позже, когда усталые и взволнованные, мы разошлись, хлынул настоящий, бурный июльский ливень. Чехов стал историей".

После экскурсии в Музей. Экскурсия в музей имени Чехова может дать материал для работ на следующие темы:

1) Составить общее описание Музея, с указанием, по какому принципу расположены в нем материалы, выделив биографический элемент собраний.

2) Составить биографическую канву, отметив важнейшие даты чеховской жизни и творчества на основании материалов музея.

3) Семья Чехова. Рассказать о взаимоотношениях Чехова и родителей. Чехов и его братья (выделить отношение А. П. к Николаю); брат и сестра (указать на деятельность Марии Павловны Чеховой по увековечению памяти Антона Павловича, как в деле издания и редактирования его писем, так и сохранения его ялтинского дома).

4) Творческая биография Чехова. Проследить важнейшие этапы развития творчества Чехова; дать обзор юмористических журналов, указать отдельные сборники его сочинений (на основании материалов Музея).

5) Отметить биографические моменты в рассказах Чехова.

6) Указать „живых персонажей" в чеховских рассказах и местный колорит, отраженный в них.

7) Чехов и театр. Проследить историю постановок чеховских пьес на основании имеющихся материалов в Музее. (Договоры, афиши, программы, фотографии исполнителей). Выделить особое значение Художественного Театра для Чехова—драматурга.

8) Чехов и Москва. Указать произведения, описывающие Москву. Проследить отражения Воскресенска, Бабкина, Звенигорода и Мелихова в личной и творческой биографии Чехова.

9) Значение Ялтинского периода в жизни Чехова.

10) Болезнь и смерть Чехова. Проследить в биографии Чехова начало и развитие болезни. Чехов в Баденвейлере. Его смерть и похороны.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1) Таганрог—памяти Чехова.

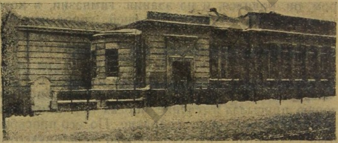
В настоящее время Полицейская ул. в Таганроге переименована в Чеховскую, а на том маленьком домике, в котором он родился, и на здании гимназии, в которой он учился, прибиты доски. Наконец, городская библиотека названа именем Чехова, а при библиотеке одна комната превращена в Музей, ему посвященный.

Таганрог помнит, что Чехов никогда не изменял симпатиям родному городу. Он был одним из усерднейших жертвователей в местную городскую библиотеку, в которую присылал в течение многих лет книги, и в которую отдал свое личное собрание. По его просьбе знаменитый скульптор Антокольский ко дню двухсотлетия Таганрога пожертвовал изваянную им статую Петра Великого, и город получил готовый памятник, потратившись только на пьедестал и отливку.

Но самый лучший памятник, воздвигнутый Чехову Таганрогом, это библиотека его имени. 17 января 1914 г. было торжественно освящено новое здание этой библиотеки, выстроенное по проекту академика Ф. О. Шехтеля—друга всей семьи Чеховых, с первых лет ее переселения в Москву. При библиотеки открыт музей, в котором будет представлена география, этнография и история Таганрогского края. Одна из комнат посвящена Чехову. То, что собрано здесь, еще только зачаток будущего чеховского музея. Но и любовно сберегаемые реликвии, и тщательно подобранная иконография писателя, говорят о большом внимании, и луч-

Собственность Челябинского

ших намерениях созидателей этого отдела. По стенам развешены портреты, как самого писателя, так и его родственников. Коллекция эта очень полна. Бросается в глаза большой портрет Л. Н. Толстого с простой надписью: „Чехову Лев Толстой“. Стена справа от входной двери сплошь увешана фотографиями писателей—современников и друзей Чехова. Все карточки снабжены автографами и принадлежали самому Антону Павловичу. Его сверстники, его собраты по работе, его друзья и знакомые, близкие и далекие—являют собой то поколение писателей, среди которых, вопреки заверению самого Антона Павловича, — был Чехов „слоном“ среди



Библиотека и читальня имени Чехова в Таганроге.

остальных“. „Мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе“,—так писал Чехов к Тихонову. Всех нас будут звать не Чехов, ни Тихонов, не Щеглов, не Баранцевич, а „восьмидесятые годы“, или „конец XIX столетия“. Некоторым образом артель“. Но артели этой дал название, своим именем окрестив целую эпоху в литературе — Чехов. Вот его современники, представленные в таганрогском музее: Григорович, Лесков, Вейнберг, Мамин-Сибиряк, Микулич, Лейкин, Трефолев, Буренин, Меньшиков, Суворин, Гольцев, Гиляровский, Станиславский, Вл. Немирович-Данченко, Горький, Елпатьевский, Бальтмонт, Щеглов, Ясинский, Максимов,

Тихонов, Андреев, Сергеенко, Урусов, Гнедич, Чириков, Потапенко, Бунин, Вересаев, Щепкина-Куперник, Кони. И на всех подписи самые задушевные, ласковые, дружеские. Бальмонт на своей фотографии написал стихи: „Одному из немногих, читая кого, я познал, что красивы людские стенанья, и что сладко сплетать из мучений страданья, и что сердце мое не мертво".

В особой витрине—чеховские рукописи, корректура, записки Антона Павловича, заметки, несколько писем к родным. Из рукописей особенно любопытен черновой набросок рассказа-пародии: „Тайна сто сорока четырех катастроф, или Русский Рокамболь—огромнейший роман в сжатом виде. Перевод с французского". Он очевидно предназначался для „Будильника" или „Осколков" и являлся откликом на злобу дня 80 годов—процесс Скопинского банка.

На переписанном экземпляре рассказа „Тапер", печатавшемся в „Осколках", пометка Чехова: „В полное собрание не войдет". Теперь этот рассказ напечатан в XX томе собраний сочинений Чехова в издании Маркса.

Вот несколько клочков бумаги: характерным чеховским почерком, бисерно-мелким, но четким, набросано несколько слов. На уголках почтового листка записано: „Оля Прозорова", „Калека", „Ганов".

Что это? Имена будущих героев? Заглавия будущих рассказов?

Оля Прозорова нам знакома: это одна из „Трех сестер". „Калека" — так назван незаконченный набросок Чехова (в XVIII томе собраний сочинений). Ганов—фамилия, как будто бы не встречающаяся ни в одном чеховском рассказе.

На другом листике черновик телеграммы: „Московскому Художественному театру. Немировичу. Шарлотта—Муратова, Аня — Лилина, Варя — Андреева. Чехов". Это распределение автором ролей „Вишневого Сада".

Среди рукописей — пожелтевшая страничка гимназического сочинения Чехова. Классная работа по русской словестности, на тему „Киргизы".

Вот его текст:

„Редко можно встретить между киргизами красавца; лица их, по большей части, круглые, с выдающимися скулами, узкими глазами, почти лишенными бровей, нос приплюснутый, цвет лица очень смуглый. Все киргизы крепкого сложения, что должно приписать, конечно, суровому степному воспитанию; рост их средний. Киргизы народ кочевой, они проводят всю жизнь на коне, почти не могут ходить пешком. Подвижные жилища их, неразлучные с ними во всех походах и перекочевках, называются юртами. Юрты делаются обыкновенно из нескольких кольев, воткнутых в землю, сведенных вверху в одну точку и покрытых войлоками. Знатные и богатые устраивают их с большими удобствами".

В папках — документы таганрогской городской управы. Среди них дело о предположенном в 1904 г. чествовании 25-летия литературной деятелности Чехова. Переписка об юбилее заканчивается такой справкой „вопрос о чествовании по личной просьбе Ан. Пав. Чехова отложен".

В отделе документов интересны справки о зачислении в купеческое состояние Павла Егоровича Чехова — отца Антона Павловича, и два прошения Чехова — гимназиста. Одно о допущении к экзамену на аттестат зрелости (датирован 1879 г.), другое о причислении ко второму призывному участку, - помечено тем же годом.

В шкапах хранятся книги, принадлежавшие Чехову и составлявшие его личную библиотеку; почти все они снабжены автографами их авторов.

В собрании чеховских реликвий — дощечка с выгравированной надписью: „Доктор А. П. Чехов", вещи Антона Павловича: — кольцо часы, перчатки, бумажник, перочинный нож, мягкая фетровая шляпа, палка, серый пиджак, шапка, галстук.

В этой же витрине рисунок той комнаты Баденвейлеровской гостиницы, в которой 2 июля 1904 г. умер Чехов.

„Комната, в которой он скончался, был шаблонный номер немецкого отеля. Ближе к двери — в коридор, две

постели. У фасадной стены, между окном и дверью на балкончик, небольшой диван, обитый бархатом, и круглый стол, умывальник, шкаф, несколько стульев. Мебель свежая, все в номере чистенько".

Библиотека имени Чехова насчитывала к 1917 г. 1000 подписчиков, а в 1894 г. их набиралось всего 160 человек. Каталог ее в первые годы существования включал 8000 названий книг, а теперь их 28000. Библиотека оборудована по последнему слову библиографической науки. Книгохранилище вместительно и удобно — система его такова, что позволяет быстро отыскивать вытребованные номера. Выписываются все литературные новости, журналы, газеты. Очень богато представлен и научный отдел.

В музее имени Чехова в Москве библиотека и музей в Таганроге представлены следующими фотографиями: рисунок Ф. О. Шехтеля — проект нового здания библиотеки; фотография, выстроенного по этому проекту здания; группа учредителей и основателей чеховской комнаты — среди них почетные гости Таганрога— сестра и брат Антона Павловича — Мария Павловна и Иван Павлович.

2) Комната 80-х годов

в литературных комнатах Румянцевского Музея.

Помимо „Музея Чехова", в Москве, есть еще „уголок Чехова" в Румянцевском Музее (Ваганьковский пер., Главное здание Музея. Осмотр с разрешения заведующего). Здесь хранятся: фотографии Чехова и портрет Чехова — студента, работы Николая Чехова; серебряные венки, возложенные на могилу,—папки с адресами, поднесенными А. П. в день первого представления „Вишневого сада". В витринах—книги о Чехове, вырезки из газет, коллекции журналов 80-х годов (Осколки, Развлечение, Будильник, Стрекоза),—первые издания Чехова.

СОУНБ им. К. Е. Белинского

В шкафчике, заваленном книгами, хранятся переводы Чехова: тут и японские издания, и эсперанто, и древнееврейские (издано в Иерусалиме), и армянские, и татарские, греческие и грузинские, эстонские и литовские... Конечно, и на всех европейских языках. В особенности много переводов немецких. Даже в дешевую „универсальную библиотеку" попал Чехов. Недаром рассказывают об одном молодом немце, который, долго думая о том, что бы подарить самое приятное своей невесте—принес ей томик Чехова...

Рукописей Чехова не много: „Вишневый сад", „Невеста", „Свадьба", „Кривое зеркало", „Волк", „Расстройство компенсации". На последней примечательная подпись: „Рукопись, побывавшая в редакции „Журнала для всех". Как безбожно. М. Чехова". Рукопись, действительно, в безобразном виде.

Вот „Свадьба"—цензурованный экземпляр. Написан рукою Чехова. В списке действующих лиц карандашная приписка: против имени Настасьи Тимофеевны—О. О. Садовская,—Дашенька – Охотина, Апломбов—М. Садовский, Ять – Музиль, Ревунов-Караулов—Ленский... В таком распределении виделась Чехову „Свадьба" в Малом театре... Как известно, „Свадьба" там не ставилась.

В конверте—бережно сложенная афишка второго представления „Лешего"; в этой же витрине портрет Чехова, письма его, 3 списка рассказов А. П., составленных им самим: в первом списке помечено 128 рассказов, во втором—213, а в третьем—80. Вырезка из № 32 „Осколков" за 1887 г.; рассказ „Злоумышленник" с собственноручной пометкой А. П.: „NB. В полное собрание не войдет. А. Чехов". Обложка „Пестрых рассказов" изд. 1886 г. с собственноручной подписью А. П.: „Мармеладу Фортепьянычу Семашко от любящего его почитателя А. Чехова". Записная книжка с рецептами. Две акварельных карикатуры на Чехова, исполненные художницей А. А. Хотяинцевой. На одной—Чехов изображен в обществе Щепкиной-Куперник и Яворской, на другой—Чехов в Ницце. Худой А. П. на маленькой скамеечке

фаэтона; напротив тучный М. М. Ковалевский с дамой *). В витрине с чеховскими реликвиями перчатки А. П., докторский знак, две дверные таблички („Доктор А. П. Чехов“ и более поздняя — „А. П. Чехов“), „Медаль для ношения на шее“, полученная А. П. за труды по переписи. В маленьком бумажнике портрет Л. Н. Толстого. Портрет любительский. Этот портрет, по словам М. П. Чеховой, А. П. всегда носил в последние годы при себе.

---

*) Карикатуры А. А Хотяинцевой (среди них—Чехов около своего портрета работы Браза) есть и в Музее Чехова в Москве.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Библиографический указатель.

Сочинения Чехова.

Сочинения Чехова изданы Марксом в 1903 г. в 16 книгах. В этом же издании вышли в 1911 г. 12 дополнительных томов. Эти оба издания повторены Государственным Издательством, выпустившим полное собрание сочинений Чехова в 1918 г. С 1923 г. в Государственном Издательстве выходят „Избранные сочинения А. П. Чехова" под ред. проф. Балухатого. Вышло три выпуска рассказов и повестей и один том пьес. „Письма Чехова" вышли в издании „Книгоиздательства писателей в Москве" в 6 томах под редакцией М. П. Чеховой и с биографическими очерками М. П. Чехова. Новые письма Чехова (из собр. „Пушкинского Дома"), под ред. Б. Л. Модзалевского, вышли в 1922 г. в издании „Атеней".

Большую ценность, как пособие, для знакомящихся с творческой и жизненной биографией Чехова, представляет книга В. Л. Львова-Рогачевского „А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах". Изд. Т-ва „В. В. Думнова". М. 1923 г. Книга содержит в себе: Хронологическую канву и следующие отделы: 1) А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. 2) Письма к Чехову и письма Чехова. 3) Из записной книжки Чехова. 4) Краткая библиография.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Указатель литературы о Чехове.

О Чехове накопилась огромная критическая литература. К сожалению, многое, и притом чрезвычайно ценное, в настоящее время почти уже недоступно рядовому читателю, так как огромное количество изданий, посвященных Чехову, давно разошлось и отыскивается в книжном рынке с величайшим трудом. В этом кратком списке приходится поэтому указывать на наиболее доступные источники, и главным образом на такие, которые имеются не только в таких крупных книгохранилищах, как Публичная Библиотека в Петербурге и Румянцевская библиотека в Москве, но и во всех губернских и уездных библиотеках.

БИБЛИОТЕКА

Библиографические указатели.

И. В. Владиславлев. „Русские писатели XIX—XX столетия „М., Книгоиздат. „Наука"—1918 г. (Литература о Чехове на стр. 122—128). **Юрий Соболев.** „Опыт указателя литературы о Чехове за 10 лет. (1904—1914 гг.), (В книге Соболева „О Чехове", Москва, изд. И. А. Белоусова—1915 г.). **Фомин.** „Чехов в Русской критике" (1887—1907 гг.). „Литературный Вестник"—книга VIII, за 1907 г., тоже отдельное издание СПБ., 1907 г.

Биографии и материалы для биографии.

Измайлов, А. А. „А. П. Чехов". „Жизнь, Творчество, личность" (1860—1904). Биографический набросок. М., изд. Сытина—1916 г. (Наиболее полная из существующих биографий Чехова).

Чехов, Мих. Павл. „Антон Чехов и его сюжеты". М, 1923 г. (Биографический очерк; указания на происхождение и возникновение сюжетов целого ряда рассказов Чехова; ссылки на автобиографический элемент многих произведений Чехова).

Мускатблит. „А. П. Чехов"—(Биографический очерк, доведенный до 1890 г.). Напечатан в сборнике статей изданном, „Русской Былью", под заглавием „А. П. Чехов". М. 1910 г.).

ВОСПОМИНАНИЯ.

Детство, отрочество, юность.

Чехов, Алекс. Павл.—(Псевдоним С.-ой А.), „А. П. Чехов в греческой школе—„Вестник Европы", кн. X, 1907 г., А. П. Чехов, певчий. „Вестник Европы", книга X, 1904 г. А. П. Чехов—лавочник. „Вестник Европы", кн. XI, 1908 г.

Тан, В. Г. „Родина Чехова"—„Солнце России", июль, № 228, за 1914 г.

Он же, „Город Чехова"—„Современный Мир", январь 1910 г.

Бабкино, Звенигород, Воскресенск.

Чехов, Мих. Павл. „Об А. П. Чехове"—Сборник „О Чехове". Изд. Чеховск. библиотеки. М, 1910 г.

Москва.

Короленко, В. Г. Сборник статей—„Отошедшие" СПБ. 1908 или в кн. VII „Русского Богатства" за 1904 г., а также в сборнике „О Чехове".
Амфитеатров, Ал. „Славные Мертвецы". Собр. соч., том XIV, изд. „Просвещение". СПБ. 1911 г.

Мелихово.

Чехов, Александр—„В Мелихове", „Нива", № 26, 1911 г.
Потапенко, И. Н. „Десять лет с Чеховым", „Нива", №№ 26, 27, 28, 1914 г.

Ялта.

Бунин, Ив. „А. П. Чехов", в сборнике „О Чехове". М., 1910 г., а также в сборнике „Памяти Чехова", изданном Обществом Любителей Российской Словесности. М., 1906 г.
То же с некоторыми дополнениями в VI томе собраний сочинений И. А. Бунина, издан. Маркса.
Горький, Максим. „Отрывки из воспоминаний". В сборнике „О Чехов", М., 1910 г. дополнено в книге Горького „Воспоминания". Изд. „Книга". Берлин, 1923 г.
Куприн, А. И. „Воспоминания" в сборнике „О Чехове". М., 1910 г.
Щукин, С. „Из воспоминаний о Чехове", „Русская Мысль" 1911 г., кн. X.

Баденвейлер.

О. Л. Книппер-Чехова. „Их воспоминаний о Московском Художественном Театре и А. П. Чехове". Сборник—„Артисты Московского Художественного Театра за рубежом". Прага, 1922 г. (Воспоминания О. Л. Книппер—вдовы Чехова—дают чрезвычайно ценный материал, рисующий взаимоотношения Чехова и Художественного Театра. Много подробностей из ялтинского периода жизни Чехова. Чрезвычайно ярко переданы последние дни Чехова и его смерть в Баденвейлере).

Сборники о Чехове.

„Памяти А. П. Чехова". Общ. Люб. Росс. Словесности. М., 1906 г. Статьи и воспоминания Ю. Айхенвальда, Ив. Бунина, М. Горького, А. И. Куприна, В. Ладыженского, А. Федорова.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ Безинского

„О Чехове“. Чеховская библиотека. М., 1910 г. Воспоминания и статьи Л. Авиловой, П. Боборыкина, Г. Брандеса, В. Брендера, И. Бунина, И. Белоусова, М. Горькаго, С. Елпатьевского, Е. Карпова, В. Короленка А. Куприна, В. Ладыженского, Жюля Легра, П. Сергеенко, В. Тихонова, М. Чехова, А. Федорова.

„Памяти Чехова“. Специальный номер „Солнце России“. Июль, № 25, 1914 г. Целый ряд статей, воспоминаний и материалов для биографии. Очень много иллюстрационного материала.

Книги о Чехове.

Лысков, И. И. „Чехов в понимании критики“. М., 1905. (Новое издание 1914 г.). В извлечениях даны статьи критиков о Чехове. Того же характера—сборник **Покровского, В. И. „А. П. Чехов, его жизнь и сочинения“** М 1907 г. и **Покровского, Н. А. „Чехов в значении русского писателя и художника и критическая литература о Чехове“**. М., 1906 г. (Эти три сборника дают почти законченное представление об оценке Чехова русской критикой до 1914 г.).

„Слово“. Сборник второй. „К десятилетию смерти Чехова“ К-во писателей в М., 1914 г. (Здесь неизданные драматические и беллетристические произведения Чехова; темы мысли и заметки из записной книжки Чехова и письма к Чехову).

„Юбилейный сборник о Чехове“. М., 1910 г., Издание „Учительского Дома“). (Перепечатана газетная и журнальная литература о Чехове, появившаяся в январе 1910 г.).

Невдомский, М. П. „Чехов и его творчество“. „Совр. Мир“—1906 г., кн. VIII.

Андреевич—(Соловьев). Книга о Горьком и Чехове. СПБ., 1900 г.

Айхенвальд М. — „Чехов“. Основные моменты его произведений. М., 1905 г. а также в первом томе его—„Силуэтов русских писателей“. М., 1908 г.

Овсяннико-Куликовский, Д. „Этюды о творчестве Чехова“. М., 1907 г.

Анненский, И. „Книга отражений“. СПБ., 1906 г. (Очень ценная статья о драме Чехова).

Чехов и театр.

Григорьев. „Приемы сценического воздействия на зрителя в пьесах Чехова“, журнал „Горн“. Книга V, 1920 г.

„Пьесы Чехова в Художественном Театре“. Изд. „Светозар“. СПБ., 1901—1922 гг.—2 выпуска: „Три сестры“ и „Вишневый сад“. Много ценного дает также альбом „Солнца России“ „Пьесы А. П. Чехова, в Художественном Театре“. (Обзор постановок всех пьес, под ред. Вл. И. Немировича-Данченко, с большой статьей Н. Е. Эфроса).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Таганрог 9

Москва 24

Мелихово 45

Ялта 58

После экскурсии 75

Приложение:

1) Таганрог—памяти Чехова 77

2) Комната 80-х годов Румянцевского Музея 81

Библиографический указатель 84

СОУНБ им. В. Г. Белинского

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, насл. бр. САЛАЕВЫХ"

Москва, Б. Лубянка, 15. Телефон 2-31-29.

Поступили в продажу и печатаются нижеследующие издания:

МИРТОВ, А. И., проф.—Уменье говорить публично. Ц. 50 к.
НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО, М. С. — Растворы и операции с ними. (Печатается).
НЕКРАСОВ, А. И., проф. — Древний Псков и его художественная жизнь. Ц. 60 к.
ЕГО ЖЕ.—Древние подмосковные. Ц. 80 к.
ЕГО ЖЕ—Великий Новгород. Ц. 1 р. 20 к.
ЕГО ЖЕ.—Очерки декоративного иссукства древней Руси. (Печатается)
НЕЧАЕВ, А. П., проф. — Психологический метод обучения чтению. Цена 30 к.
ОГНЕВ, И. Ф., проф.—Органы пищеварения человека. (Печатается).
ЕГО ЖЕ.—Органы чувств человека. (Печатается).
ОРЛОВ, А. С., проф.—Слово о полку Игореве. Ц. 50 к.
ПАРАМОНОВ, М. К.—Заметки по новой школе. Изд. 2-е Цена 75 к.
ПАШКОВ, Н. А. — Декламационная хрестоматия. (Печатается).
ПОЛЯКОВ, В. Г.—Любимые игры детей. Ц. 70 к.
ПОЛЯКОВ, В. Г. и МУРЗАЕВ, Вс. С. — Праздник весны в школе. Цена 70 к.
РУБИНШТЕЙН, М. М., проф. — Эстетическое воспитанис детей Ц. 1 р. 30 к.
РЫБНИКОВА, М. А.—По вопросам композиции. (Печатается).
САМСОНОВ, Н. В., проф.— Развитие воображения у детей. Ц. 80 к.
СОКОЛОВ, Б. М., проф. — Собиратели народных песен. Цена 80 к.
СЭНДИФОРД, П., проф. — Измерения в педагогике. Перев. с англ. проф. А. П. Нечаева. Ц. 25 к.
УСТИНОВ, И. В. и МУРЗАЕВ, В. С.—1-е мая в школе. Цена 70 к.
УСТИНОВ, И. В. и КРЫЛОВ, В. И.—Праздник Октябрьской революции в школе. Цена 90 к.
Физико-математический сборник № 1-й, под редакцией Д. А. Бема, В. А. Зернова, А. В. Казакова, Н. В. Кашина и др. Ц. 80 к.
ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ, В. Е.—Ф. М. Достоевский, в воспоминаниях современников и его письмах. Часть I и II по 1 р. 80 к.
ШУВАЛОВ, С. В.—М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах. Ц. 1 р. 30 к.

Собрание В. Г. Белинского

2187

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Акц. Общ. „Книжное Товарищество 1922 г.“

Москва, Б. Лубянка, 15. Телефон 2-31-29.